

ПОЛТАВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВЪДОМОСТИ.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.

1864 года.

№ 12.

Юня 15.

ДОГМАТИЧЕСКІЯ БЕСѢДЫ

СЕЛЬСКАГО СВЯЩЕННИКА СЪ ПРИХОЖАНАМИ НА ДОМУ.

В., „О ТАИНСТВѢ ПРЕСВЯТЫЯ ТРОИЦЫ.“

Самыя употребительныя домашнія наши молитвы, особенно у людей неграмотныхъ, это: «Пресвятая Троице» и «Отче нашъ». Дѣтей нашихъ мы учимъ сначала молитвъ— «Пресвятая Троице», быть можетъ, потому, что она короче, — а потомъ ужъ и молитвъ: «Отче нашъ». И въ церкви, при Богослуженіи, молитвы эти читаются чаще другихъ и всегда одна за другою.

Обращали ли вы, братіе, вниманіе на то, что въ первой молитвъ мы называемъ Бога «Пресвятою Троицею», говоря, «Пресвятая Троице, помилуй насъ», а во второй называемъ Бога Отцемъ нашимъ Небеснымъ, говоря: «Отче нашъ—Иже еси на небесѣхъ». Почему мы называемъ Бога Отцемъ нашимъ Небеснымъ, — это намъ извѣстно изъ прошедшей бесѣды; но почему называемъ Бога Пресвятою Троицею, — объ этомъ мы еще не говорили.

Мы называемъ Бога Пресвятою Троицею потому, что въ Богъ, единомъ по существу, три лица: первое лице есть Отецъ, второе лице есть Сынъ, третье лице есть Духъ Святой. Отецъ есть Богъ, и Сынъ есть Богъ, и Духъ Святой есть Богъ; но не три Бога, а единъ Богъ. Единый Богъ есть Отецъ, Сынъ и Святой Духъ,— Троица единосущная и нераздѣльная.—Богъ Сынъ предвѣчно рождается отъ Бога Отца, Богъ Духъ Святой предвѣчно исходитъ отъ Бога Отца, а Богъ-Отецъ ни отъ кого не созданъ, не рожденъ и не исходитъ.

Но предупреждаю васъ, братіе, что это есть таинство, таинство великое, Богомъ намъ открытое, а потому объяснить это таинство, взять его на разсудокъ, или сравнить съ чѣмъ-либо—мы не можемъ, и должны принимать его на одну вѣру.—А самое лучшее средство научиться правильно и твердо вѣровать въ единого Бога во Святой Троицѣ,—это чаще ходить въ Церковь и внимательно слушать церковное чтеніе и пѣніе.

Служба Литургіи, которую мы называемъ «Обѣдней», вамъ извѣстна болѣе, чѣмъ служба Утрени и Вечерни. Потому я и хочу обратить ваше вниманіе на служеніе обѣдни.

По прочтеніи часовъ и по совершеніи Проскомидіи, о которой со временемъ мы побесѣдуемъ съ вами,—діаконъ выходитъ на амвонъ и говоритъ, обращаясь къ служащему священнику: «Благослови Владыко!» — Этими словами онъ проситъ у священника благословенія начать Божию службу, называя его владыкою, т. е. господиномъ изъ уваженія къ его священному сану. —Тогда священникъ говоритъ: «Благословенно Царство Отца и Сына и Святаго Духа нынѣ и

¹ Иоанн. 5. 7.

присно и во вѣки вѣковъ». — На клиросѣ поютъ: «Аминь;» а аминь по русски значить: «дѣйствительно такъ; сущая правда.» Этимъ словомъ поющіе на клиросѣ за всѣхъ, находящихся въ Церкви, — ибо прежде, въ первыя времена христіанства, пѣли всѣ присутствующіе въ Церкви, подтверждаютъ истину словъ священника, который высказалъ вѣру всей Церкви, т. е. всѣхъ Православныхъ Христіанъ, жившихъ прежде, живущихъ теперь и имѣющихъ жить послѣ, — высказалъ — говорю вѣру всей Церкви о Богѣ, единомъ по существу и Троичномъ въ лицахъ; онъ сказалъ, что единый Богъ есть Отецъ, Сынъ и Святой Духъ.

Я поясню вамъ это, братіе, такимъ образомъ. — Въдѣ люди пришли въ церковь молиться Богу, и священникъ въ отвѣтъ на слова діакона: «Благослови владыко», — долженъ бы, кажется, непременно сказать: «Благословенно Царство Бога нашего всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ». — Онъ именно это самое и сказалъ, только другими словами. Такъ какъ единый Богъ нашъ есть Отецъ, Сынъ и Святой Духъ, то священникъ, вмѣсто «Благословенно Царство Бога нашего», сказалъ: «Благословенно Царство Отца и Сына и Святаго Духа». — Что это дѣйствительно такъ, т. е. что сказать: «Благословенно Царство Бога нашего» и «Благословенно Царство Отца и Сына и Святаго Духа,» — есть одно и то же, — вотъ вамъ на это очевидное доказательство, что при началѣ вечерни, равнымъ образомъ — при началѣ панихидъ и нѣкоторыхъ другихъ церковныхъ пѣнопѣній, священникъ говорить просто: «Благословенъ Богъ нашъ всегда нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ;» Утреню священникъ начинаетъ еще иначе, чѣмъ «Вечерню» или «Обѣдню», говоря громко: «Слава святѣй, единосущнѣй, животворящей и нераздѣльнѣй Троицѣ всегда, нынѣ и присно

и во вѣки вѣковъ». — Теперь видите, братіе, что три различные возгласа, которыми священникъ начинаетъ вечерню, утреню и обѣдню, — различны только по словамъ, а мысль въ нихъ, истина въ нихъ совершенно одна и та же. Въдѣло, слишкомъ понятное, что мы тому же Богу молимся на утрени, Которому молились на «вечерни» и будемъ молиться на обѣдни, потому — повторяю вамъ — и возгласы, которыми священникъ начинаетъ эти Богослуженія, должны имѣть одну и ту же истину, должны относиться къ одному и тому же Богу, въ существѣ своемъ единому, но вмѣстѣ и Троичному въ лицахъ, такъ, что сказать: «Слава единому Богу», — «Слава Отцу и Сыну и Святому Духу», «Слава святыи единосущной животворящей и нераздѣльной Троицѣ», значить — сказать одну и ту же истину, только различными словами.

Продолжимъ дальше. — Когда на возгласъ священника отвѣтять: Аминь, — діаконъ начинаетъ такъ называемую эктению, — когда нибудь, Богъ дастъ, я объясню вамъ это слово — словами: «миромъ Господу помолимся.» Этими словами діаконъ предлагаетъ всѣмъ, присутствующимъ въ церкви, молиться Господу, молиться всѣмъ вмѣстѣ и во взаимномъ мирѣ. Всѣ начинаютъ молиться, и на клиросѣ, отъ лица всѣхъ присутствующихъ въ церкви, поютъ: «Господи помилуй!» Діаконъ продолжаетъ эктению, говоря предстоящимъ, о чемъ они должны молиться, а на клиросѣ повторяютъ молитву: «Господи помилуй!» Когда діаконъ кончитъ все, что положено по уставу, священникъ дополняетъ и заключаетъ эту молитву возгласомъ: «Яко подобаетъ Тебѣ всякая слава, честь и поклоненіе Отцу и Сыну и Святому Духу нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ». На клиросѣ опять поютъ: «Аминь».

И всѣ другія эктени, въ продолженіи всей обѣдни, слѣдуютъ тому же порядку, что діаконъ сказываетъ о чемъ молиться, а клиросъ поетъ: «Господи помилуй»,—однажды, или трижды, а священникъ каждую эктению заканчиваетъ возгласомъ, совершенно подобнымъ тому, который мы сей часъ привели, т. е. возгласомъ, въ которомъ содержится ученіе о Святой Троицѣ, т. е., что единый Богъ есть Отецъ, Сынъ и Духъ Святой. Такимъ же образомъ и все Богослуженіе направлено къ тому, чтобы внушить намъ и укрѣпить въ насъ вѣру, что Богъ, единый по существу, Троиченъ въ лицахъ, кои суть: Богъ Отецъ, Богъ Сынъ, Богъ Духъ Святой; но не три Бога, а единый Богъ,—Троица еднотелная и нераздѣльная. Что это дѣйствительно такъ, — видно изъ того, что діаконъ и клиросъ, большею частію, обращаются къ Богу, какъ къ одному по существу, говоря, напр., миромъ Господу помолимся; Господи помилуй, а священникъ всѣми своими возгласами напоминаетъ намъ, что единый Богъ есть Отецъ, Сынъ и Святой Духъ, Троица еднотелная и нераздѣльная. Потому и священникъ, въ своихъ возгласахъ, объ Отцѣ, Сынѣ и Святомъ Духѣ не говоритъ, какъ о трехъ, а какъ о единомъ, напр. «Яко подобаетъ Тебѣ всякая слава, честь и поклоненіе Отцу и Сыну и Святому Духу, говоритъ Тебѣ, а не *вамъ*; ибо говоря объ Отцѣ, Сынѣ и Святомъ Духѣ, священникъ разумѣетъ Троицу еднотелную и нераздѣльную, или единого Бога по существу.

Богослуженіе продолжается такимъ же образомъ, укрѣпляя нашу вѣру, и вотъ уже среди обѣдни, — когда всякій, искренно молящійся, могъ уже, какъ говорится, — собраться съ мыслями и молитвою укрѣпить свою вѣру, мы слышимъ возгласеніе діакона: «Возлюбимъ другъ друга, да едино-

мыслиемъ исповѣмы». По русски это значить: въ искренней любви другъ къ другу и въ единомыслии будемъ исповѣдывать. . Діаконъ уже не говоритъ намъ, кого мы будемъ и должны исповѣдывать; но мы сами уже знаемъ это, будучи приготовлены къ тому предварительнымъ Богослужениемъ. и вотъ на клиросѣ, отъ лица всѣхъ присутствующихъ, слышится пѣніе: «Отца и Сына и Святаго Духа, Троицу единосущную и нераздѣльную», т. е. будемъ исповѣдывать Отца и Сына и Святаго Духа, Троицу единосущную и нераздѣльную, и затѣмъ поютъ: «Вѣрую во единого Бога» и проч., т. е. поютъ — такъ называемый символъ нашей вѣры, который мы называемъ первымъ словомъ, съ котораго онъ начинается «вѣрую». Въ этомъ символѣ ученіе объ Отцѣ; Сынѣ и Святомъ Духѣ излагается вполне.

Кстати скажу вамъ, что значить слово «символь». — Слово это чужестранное, греческое, по русски — знакъ, который носить на себѣ или съ собою человекъ, чтобы показать, кто онъ такой. Такъ напр. по кресту мы отличаемъ христіанина отъ некрещенаго человека. Въ такомъ же смыслѣ и наше исповѣданіе названо символомъ; потому что исповѣданіе это есть признакъ Православнаго христіанина. Теперь очевидно для васъ, братіе, что символъ этотъ нужно знать всякому вѣрующему. Кромѣ того, по настоящему-то, по закону-то, не слѣдуетъ и вѣнчать того, кто не знаетъ «вѣрую»; тотъ не можетъ быть и воспріемникомъ при крещеніи, — да какъ быть?... Научиться молитвамъ со словъ другаго трудно.... Такъ, братіе, о чемъ ни заговоримъ, а все придетъ къ тому, что грамота намъ необходима.

Но обратимся, бр, опять къ Богослуженію, чтобы закончить нашу бесѣду о Пресвятой Троицѣ. —

Въ концѣ обѣдни евященникъ обращается къ Богу съ слѣдующею молитвою: «Спаси Боже люди Твоя и благослови достояніе Твое.» Послѣ сего на клиросѣ, отъ лица всѣхъ присутствующихъ, поютъ: «Видѣхомъ свѣтъ истинный, пріяхомъ Духа Небеснаго, обрѣтохомъ вѣру истинную, нераздѣльный Троицъ покланяемся, Та бо насъ спасла есть.—

Понимаете теперь, братіе, что истинная вѣра состоитъ въ томъ, чтобы покланяться нераздѣльной Троицѣ, «Та бо насъ спасла есть,» - потому что нераздѣльная Троица спасла насъ.—

Заклучимъ, братіе, нашу бесѣду церковною пѣснью, которая поется въ скорѣ послѣ «Вѣрую» и въ которой вѣра въ Трїеднаго Бога высказана съ особенною ясностію и опредѣленностію: «Достойно и праведно есть покланяться Отцу и Сыну и Святому Духу, Троицъ единосущный и нераздѣльный.»

Іером. Инокентій

ИВАНЪ КУПАЛО.

23-го Юня въ тѣ часы, когда колокольный звонъ въ городахъ нашихъ зоветъ христіанъ благочестивыхъ къ *вечернему* Богослуженію, въ селахъ и деревняхъ нашихъ (мѣстами) у простаго народа начинается своя служба, только не въ честь Бога нашего. Совершается она, сколько мы знаемъ, такимъ порядкомъ: часовъ въ 5—6—7, дѣвицы села, или деревни, иногда одиѣ, а иногда и при участіи молодыхъ людей мужескаго пола, отправляются на лугъ, въ рощу и пр., дѣлаютъ себѣ изъ травъ и цвѣтовъ вѣнки и, надѣвши ихъ на головы, идутъ къ рѣкѣ, озеру, а гдѣ ихъ нѣтъ, — просто гдѣ покажется имъ удобнѣе (на поляну, на горку) и на избранномъ мѣстѣ разводятъ огонь. Затѣмъ они составляютъ изъ себя хороводы, ходятъ вокругъ разведеннаго костра и, припѣвая Купала, перепрыгиваютъ черезъ огонь. Кромѣ хороводовъ, а иногда и вовсе безъ хороводовъ, дѣло дѣлается и такъ еще: дѣвицы отходятъ отъ огнища на небольшое разстояніе, начинаютъ пѣсни, воспоминающія Купала, и, послѣ каждаго припѣва, бѣгутъ вереницей (одна за другою) къ огнищу, перепрыгиваютъ черезъ него и отбѣгаютъ въ другую сторону (въ томъ же направленіи) на соотвѣтственное разстояніе. Сбѣжавшись сюда въ кучку, они опять поютъ, приплетая Купала, и опять бѣгутъ вереницей, перепрыгивая черезъ огонь, къ тому мѣсту, откуда начался бѣгъ. Послѣ всей этой бѣготни, круженій около огня, скаканій черезъ него, — затѣйницы купаются ¹ въ рѣкѣ или озерѣ (гдѣ таковыя есть) и потомъ

¹ Купанье бываетъ по мѣстамъ на другой день, т. е. 24-го юня. Но это, какъ увидимъ послѣ не есть обрядъ *самъ по себѣ*, а входитъ въ составъ обрядовъ, совершающихся подъ Ивановъ же день.

расходятся по домамъ.—Таковы церемоніи, бывающія у насъ по мѣстамъ подъ Ивановъ день (24 іюня)! Чтожъ это за церемоніи? Откуда онѣ? Простая ли это веселость и невинныя потѣхи деревенской молодежи, или же тутъ старина наша бросила слѣдъ свой, оставила намъ на память мысль свою, которую не мѣшаетъ дознать и уяснить. Постараемся отвѣтить на эти вопросы, какъ съумѣемъ—въ той надеждѣ, что и немногія наши замѣтки могутъ подѣяться пригодиться особенно тѣмъ изъ нашихъ читателей, на которыхъ лежитъ долгъ знать разные суевѣрные обычаи народа, чтобы лучше руководить его нравственнымъ воспитаніемъ.

Въ числѣ многихъ боговъ, которымъ поклонялись предки наши Славяне—язычники, былъ одинъ, по имени *Купало*. Что это былъ за богъ,—читаемъ у Густынского лѣтописца—слѣдующее: «Купало, якоже мню, бѣше богъ *обилія*, якоже у Еллинъ Цересъ (Церера), емуже безумныи за обиліе благодареніе припосаху въ то время, егда имѣше настати жатва»². Итакъ, Купало—богъ *урожая*, или, какъ иначе называетъ его св. Димитрій Ростовскій,—богъ *плодовъ земныхъ*³. Изъ рассказа лѣтописца видно⁴, что Купало у нашихъ языческихъ предковъ имѣлъ и свою фигуру (статую), которой они поклонялись и жертвовали. Но въ какой именно фигурѣ олицетворялся Купало? Бывало ли для него особое капище (въ Кіевѣ, Новгородѣ)? Какіе именно плоды земные приносились ему въ жертву? и пр.—Обо всемъ этомъ лѣтописцы наши умолчали. За то, осно-

² Русск. лѣтоп. 2 томъ.—Прибавленіе къ Ипатьевской стр. 257.

³ См. въ Чет.—мин. Житіе Равноап. Кн. Владиміра подѣ 15-мъ іюля.

⁴ Прибавл. къ Ипатьевской стр. 257—258.

вываясь на весьма древнихъ и авторитетныхъ свидѣльствахъ, намъ не трудно съ приблизительною вѣрностію представить, какъ отправлялся славяно-русскій *народный* праздникъ въ честь Купала еще во времена язычества. Тотъже Густынский лѣтописецъ, продолжая свою рѣчь о Купалѣ, замѣчаетъ: «сему Купалу, бѣсу, еще и донинѣ по нѣкоихъ странахъ безумныи память совершаютъ, наченше 23 іюня, сицевымъ образомъ: съ вечера собираются простая чадъ обоего полу, и соплетаютъ себѣ вѣнцы изъ ядомаго зелія, или коренія, и препоясавшися быдіемъ возгнетаютъ огонь, индѣ же поставляютъ зеленую вѣтвь, и емшеся за руцѣ около обращаются (хороводъ) окрестъ онаго огня, поюще своя пѣсни, приплетающе Купаломъ; потомъ чрезъ оный огонь прескакують, оному бѣсу жертву себѣ приносяще». Лѣтописецъ говоритъ здѣсь, какъ праздновали Купалу въ его время (въ половинѣ XVII вѣка). Но выраженіе: *еще и донинѣ* даетъ замѣтить, что такъ или похожимъ образомъ совершался народный славяно-русскій праздникъ въ честь Купала еще во времена язычества.

Другія данныя пополняютъ картину, начертанную лѣтописцемъ. Стоглавый соборъ (1551 г.), возставая противъ разныхъ суевѣрныхъ празднествъ на Руси, говоритъ о праздникѣ Купалу, какъ древнемъ, и—въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «наканунѣ Ивана Предтечи сходились мужи, жены и дѣвицы на ночное плещованіе, безчинный говоръ, пабѣсовскія пѣсни и скаканіе до самаго разсвѣта, когда они, умывшись въ рѣкѣ водою, расходились по домамъ»⁵. Отсюда видно, что въ древности не одни молодые люди праздновали Купалу, а и взрослые, т. е. гуляли тамъ и сямъ цѣлыя населенія и притомъ всю ночь. Игуменъ Елеазаров-

⁵ Русск. простонарод. праздн. Снегирева вып. 1. стр. 52.

ской обители, преп. Памфилъ, въ посланіи къ намѣстнику Псковскому, говоря о разныхъ суевѣрныхъ обычаяхъ народныхъ, довольно обстоятельно описываетъ и праздникъ Купала. Онъ замѣчаетъ, между прочимъ, что тогда «егда не весь градъ возматется и въ селѣхъ возбѣется въ бубны и сопѣли и гуденіемъ струннымъ, и всякими неподобными играми сатаплискими, плесканіемъ и плясаніемъ, жемамъ же и дѣвамъ, и главами киваніемъ, и устами ихъ неприязненъ кличь, всескверныя пѣсни, и хребтомъ ихъ вхляніе и ногамъ ихъ скаканіе и топтаніе»⁶. Такъ бѣсновался, по старинѣ, Псковскій народъ на Купалу! Это писано за полвѣка до Стоглаваго собора. «Литовцы», замѣчаетъ г. Снегиревъ, «празднуютъ и досель Ивановскую ночь и вотъ какъ: поздно вечеромъ собираются они на извѣстномъ мѣстѣ, избранномъ и освященномъ *исконными* обычаями: тамъ на полянѣ ставятся палатки и шалаши; пѣсни, музыка, танцы и разведенные огни продолжаются всю эту ночь»⁷ и пр. и пр. Какъ ни разпорѣчивы на первый взглядъ представленные свидѣтельства, всѣ онѣ съ равною силою ведутъ насъ къ слѣдующимъ мыслямъ: 1) что празднованіе Купалу возникло у насъ въ незапамятной древности и есть празднованіе *языческое*; 2) что это празднованіе было едвали не самымъ *распространеннымъ* въ древней Руси,—*веселымъ*, по времени и по своей обстановкѣ,—*сложнымъ*, по своимъ затѣямъ и обрядамъ, хоть эти затѣи и обряды въ разныхъ мѣстностяхъ были различны и—то болѣе прихотливыя и разгульныя, то менѣе, смотря по характеру народа, мѣстнымъ условіямъ, тѣмъ или дру-

⁶ Ист. Госуд. Русс. Карамз. т. VII.

⁷ Рус. прост. пр. вып. 1. стр. 104—105.

гимъ обычаямъ, унаслѣдованнымъ отъ дѣдовъ въ разныхъ закоулкахъ и пр.

Христіанство, введенное на Руси Равноапостольнымъ Владиміромъ, вступило въ борьбу какъ вообще съ лжевѣріемъ и религіозно-правственною языческою практикою предковъ нашихъ, такъ (безъ сомнѣнія) въ частности съ непотребнымъ служеніемъ Купалу. Необычайной ревности проповѣдниковъ и распространителей христіанства предки наши не могли не уступать. Но оторвать ихъ разомъ отъ того, съ чѣмъ въ теченіе вѣковъ сжилась ихъ мысль, было тоже не возможно. Въ душѣ ихъ еще много оставалось язычества; они продолжали иногда жить и вѣровать, какъ жила и вѣрила старина. И вотъ съ первыхъ временъ христіанства, открывается у Русскаго народа странная, но очень понятная смѣсь языческаго съ христіанскимъ. Первая и ранняя уступка язычества христіанству выразилась въ томъ, что предки наши дѣйствія и свойства древнихъ боговъ стали переносить на святыхъ христіанской церкви, стараясь какъ бы за послѣдними забыть первыхъ. Пересталъ ѣздить по-небу Перунъ на колесницѣ (вѣрованіе древнихъ литовцевъ), — началъ ѣздить Ілія пророкъ; св. Θεодосія стала *колосяница*, Агриппина мученица — (23 іюня) — купальница, Богданъ заступилъ *дождь* — *бога* вмѣсто *Волоса* покровителемъ скотоводства избравъ св. *Власій* и проч. Съ Купаломъ случилось похожее. Народъ больше и больше забывалъ его значеніе и должность (міровья); но онъ удержалъ его имя, уступивши христіанству въ томъ, что прибавилъ къ нему имя святаго (Іоанна Предтечи), рожденіе котораго церковь воспоминаетъ 24-го іюня и — вышелъ такимъ образомъ изъ Купала «Іванъ Купало». Но не въ этомъ еще переименованіи именъ и понятій заключалась главная бѣ-

да. Предки наши, время отъ времени забывая боговъ, про-
износя безсознательно, по старой памяти, имена ихъ (Ла-
до, Коляда, Купало), не оставляли кой-какихъ древне-язы-
ческихъ обрядовъ и празднествъ въ честь ихъ. И вотъ —
болѣе осьми съ половиною вѣковъ прошло, какъ вѣра хрис-
тіанская пошла изъ Кіева по всей Руси, а у насъ и до-
сель держится празднованіе Купалу и—въ общихъ и глав-
ныхъ чертахъ—такоеже точно, какое совершали наши пред-
ки, Бога певѣдушіе. Если бы какой нибудь пращуръ нашъ,
кланявшійся громовержцу Перуну, молившійся подъ дубомъ
столѣтнимъ, у озера священнаго,—еслибъ онъ поднялся те-
перь изъ своей могилы и посмотрѣлъ, что дѣлаетъ юношество
наше подъ Ивановъ день, онъ съ разу вспомнилъ бы своего
Купала, воспроизвелъ бы въ забавахъ нашихъ дѣтей знакомый
ему праздникъ богу плодородія, когда и онъ кружился въ хо-
роводѣ и прыгалъ чрезъ огонь,—онъ узналъ бы въ нашихъ ю-
ношахъ плоть и кровь свою, не узналъ бы лишь храмовъ на-
шихъ, Богослуженія нашего христіанскаго, равно какъ и того,
какимъ образомъ изъ Купала сталъ Иванъ Купало? И такъ,
предъ нами—въ описанныхъ выше затѣяхъ молодежи нашей
подъ 24-е іюня—настоящій древне-славянскій языческій празд-
никъ въ честь Купала, — праздникъ не живой, не сознаваемый,
совершаемый лишь по преданію, но все-таки — языческій.

Какой же рядъ вѣрованій и понятій нашихъ предковъ—
язычниковъ высказался въ этомъ праздникѣ? Что означаютъ
разные обряды, входящіе въ его составъ? И какъ эти об-
ряды относятся къ Купалу, какъ божеству плодородія?
Чтобы не упустить чего-нибудь изъ виду при рѣшеніи э-
тихъ вопросовъ и представить въ цѣлости мысль древне-я-
зыческаго празднества,—мы, въ восполненіе своихъ недо-
статочныхъ свѣденій, будемъ придерживатся замѣчаній г.

Снегирева, сдѣланныхъ не такъ давно, по наблюденію надъ простонародными Русскими обычаями и празднествами, сохраняющимися во многихъ мѣстахъ и до нашего времени.

Молодые люди, собирающіеся гулять подѣ Ивановъ день, дѣлають предварительно, какъ мы сказали, *вѣнки* изъ *травъ* и *цвѣтовъ*, надѣвають ихъ на головы, опоясываются (по Снегиреву) *перевязями* изъ травъ и цвѣтовъ и въ такомъ видѣ отправляются къ мѣсту, гдѣ долженъ быть разведенъ огонь. Смыслъ этихъ приготовительныхъ дѣйствій понятенъ. До времени жатвы, травы и цвѣты, т. е. дикіе полевые и луговые знаки—первыя и всякому сподручныя произведенія растительнаго царства. Ими-то, какъ встарину, такъ и теперь украшаются молодые люди, съ этими знаками благоволенія плодоносящаго божества они какъ бы идутъ къ нему на встрѣчу и *жертвуютъ* ихъ ему ⁸. По прибытіи на избранное мѣсто, невинные почитатели Купала, вкапываютъ въ землю деревцо, или вѣтвь *вербы* ⁹, какъ замѣ-

⁸ Мартынь, писатель XVI вѣка, сообщаетъ, что въ его время въ Польшѣ, на канунъ Иванова дня, зажигали огни..., принося *жертвы* (т. е. Купалу) изъ *чернобыльнича*, которымъ Поляки опоясываются... Русс. простонар. праздн. Снегир. вып. 1. стр. 125.

⁹ Верба имѣетъ тутъ, кажется, преимущественное употребленіе и значеніе (на Украинѣ..., пишетъ Снегиревъ, на Ивановъ день собираются дѣвницы въ одно мѣсто съ *вербою*, *убранною цвѣтами*, которую втыкають въ землю. Около этого дерева, сльвущаго у нихъ *Купайло*, онѣ ходятъ..., поютъ... Тамъже стр. 155.—Тоже замѣчается и въ одной изъ пѣсень на Купалу (слышанной Снегиревымъ въ Могилевской губерніи):

у пана Ивана посередь двора

стояла *верба*;

на вербѣ горѣли свѣчи и пр. и пр.

тилъ г. Снегиревъ (согласно съ показаніемъ Густынскаго лѣтописца) во многихъ мѣстахъ Украйны, Волини и Бѣлороссіи. Почему употребляется тутъ это именно дерево, — вточности незнаемъ, а только догадываемся. Изъ крупнаго растительнаго царства верба распускается у насъ весною прежде прочихъ деревъ; такъ что божество, завѣдывающее міромъ растительнымъ, въ ней обнаруживаетъ какъ бы первое напряженіе своей силы. И вотъ это-то дерево—первенецъ, вѣроятно, и приносится въ жертву богу плодовъ земныхъ. Вотъ почему вѣтви этого дерева усвоится имя самаго божества—«Купала» и около ней, какъ и около огня, ходять хоробыды съ пѣснями. Украшеніе этой вѣтви травами и цвѣтами имѣеть тотъ же смыслъ, какъ и вѣтки, какъ и жертвуемый Купалу (въ Польшѣ) чернобыльникъ и пр. Это—дары и жертвы божеству плодовъ земныхъ. Какъ освященные (на праздникъ) божествомъ, всѣ эти травы, цвѣты и вѣтки относились въ старину, по совершеніи обрядовъ, домой, вѣшались надъ дверьми и хранились цѣлый годъ, какъ цѣлительныя и имѣющія силу отгонять нечистыхъ духовъ. По мѣстамъ это суевѣріе держится и досель и не только на Руси, но, вѣроятно, и у славянъ не-Русскихъ ¹⁰.

Самое празднованіе открывается возплетеніемъ *огня*. Это существенно-необходимое, кажется, дѣйствіе, безъ котораго не мыслимо празднество. Намъ пришлось однажды видѣть, какъ отправлялся вечеръ купальскій въ одномъ изъ нашихъ городовъ (на оконечности). Зажигать огонь на у-

¹⁰ Карамзинъ пишетъ: «Сѣрбы на канунѣ, или въ самое рождество Іоанна Предтечи, сплетая Ивановскія вѣтки, вѣшаютъ ихъ на кровли домовъ и на хлѣвахъ, чтобы удалить злыхъ духовъ отъ своего жилища». Ист. Госуд. Росс. т. 1.

лицъ было нельзя, потому что полиція немедленно возстала бы противъ суевѣрія и дала бы самый внушительный урокъ огнепоклонникамъ. Но молодые люди ухитряются и тутъ удержать если не огонь, то мысль объ огнѣ. Они кладутъ въ кучу нѣсколько кирпичей, приготовляемыхъ изъ навоза для топлива, и перескакиваютъ чрезъ нихъ, воображая, очевидно, на мѣстѣ кирпичей горящую солому, или дерево. У нѣкоторыхъ Финскихъ племенъ на Купалу огня не разводили. За то тамъ въ это время закалывали бѣлаго пѣтуха; а онъ былъ у нихъ символомъ огня. Почему же такъ важенъ тутъ огонь и что значитъ онъ?

Купало, какъ божество плодородія, возбуждаетъ производительность въ почвѣ земной посредствомъ разныхъ мировыхъ силъ и дѣятелей. Первая, а въ нашемъ, бѣльшую частію холодномъ, климатѣ и самая ощутительная изъ этихъ силъ—теплота, или *сила огненная*. Поклоненіе ей и высказалось предками нашими въ огнѣ купальскомъ. Но огонь этотъ—тоже, что и верба, о которой сказано выше, т. е. символъ только и олицетвореніе силы стихійной. Огонь нашъ есть произведеніе первообразнаго огня въ солнцѣ—источникъ свѣта и тепла для всей земли. И такъ, поклоненіе огню, которое видимъ въ древне-языческомъ славянскомъ праздникѣ въ честь Купала, въ собственномъ смыслѣ есть поклоненіе солнцу, согревающему землю. Отсюда праздникъ Купала есть праздникъ *солнечный*. Что это такъ,—видно первѣе всего изъ самаго времени, къ которому принаровленъ праздникъ. Густынской лѣтописецъ говоритъ, что Купалу безумные благодареніе приносили, начиная съ 23 іюня—потому, что тогда *имаше настати жатва*. Тутъ есть отвѣтъ, но не все въ немъ сказано. Кромѣ времени наступленія жатвы, міросозерцаніе предковъ

нашихъ имѣло тутъ въ виду и положеніе солнца на небѣ въ іюнѣ по отношенію къ нашему полушарію. Во второй половинѣ этого мѣсяца бываетъ у насъ лѣтнее солнцестояніе. Конецъ этого стоянія и поворотъ солнца къ экватору простой глазъ отнесъ (приблизительно вѣрно) къ двадцатымъ числамъ іюня и далѣе. Теперь, если справедливо, что предки наши, чествуя Купала, чествовали и солнце, какъ силу, чрезъ которую богъ плодовъ земныхъ по преимуществу дѣйствуетъ на почву; то когда же и праздновать Купалу, какъ не тогда, когда солнце, пришедши къ намъ изъ далекихъ странъ на лѣто, останавливается и гоститъ у насъ нѣсколько дней и, какъ бы нехотя начинаетъ по немногу опять уходить отъ насъ въ полуденныя страны. Тутъ солнце само какъ бы задаетъ на нашей сторонѣ веселый, зеленый, свѣтлый праздникъ и—предки наши совершенно естественно положили праздновать Купалу въ эти именно дни лѣтняго солнцестоянія и также естественно, въ составѣ праздничныхъ обрядовъ, поставили на первомъ мѣстѣ огонь, какъ сына и намѣстника солнца на землѣ, какъ явленіе силы Купала. Вообще, у нашихъ предковъ — язычниковъ, какъ народа земледѣльческаго, разные праздники годовые должны были опредѣляться больше всего поворотами солнца, отъ которыхъ зависятъ столь ощутительныя перемѣны въ разныя времена года. Вотъ почему самыми древними, наиболѣе распространенными и интересными празднествами у древнихъ славянъ являются два главныхъ: праздникъ въ зимнее солнцестояніе и лѣтнее—Коляда (24 дек.) и Купала. Первый былъ также важенъ, какъ и послѣдній, не смотря на то, что Коляда не даетъ никакихъ плодовъ, а только морозитъ и леденитъ все. Наконецъ изслѣдователи древностей нашихъ находятъ, что символомъ

Купала, какъ и Коляды, было у нашихъ предковъ *колесо*—образъ круговаго хожденія солнца около земли. «Подобно Англо-саксамъ, замѣчаетъ Снегиревъ, славяне раздѣляли свой годъ на зиму и лѣто, Коледу и Купало, коихъ символами было колесо—эмблема солнечнаго поворота»¹¹.

Слѣдующій въ купальскомъ праздникѣ обрядъ, т. е. *хороводное* хожденіе вокругъ огня съ пѣснями, подтверждаетъ сказанное съ новою силою. Хороводъ на Купала—тоже, что и подмѣченное Снегиревымъ колесо, т. е. образъ круговаго движенія солнца вокругъ земли. Въ хороводахъ нашихъ это выражено довольно выпукло. Хороводы у насъ довольно замысловаты и для выполненія не слишкомъ-то удобны. Это сразу показываетъ уже ихъ нарочитость и искусственное построеніе. Тутъ не мгновенно, по вдохновенію, вырвалось наружу чувство (какъ въ танцѣ), а медленно тянется и развивается мысль. Мысль эту показываетъ самое движеніе хороводовъ. Хороводъ идетъ въ первый разъ *посолономъ*. Сдѣлавши половину круга, онъ поворачиваетъ назадъ и дѣлаетъ спиралью другую половину

¹¹ Вып. 1. стр. 45.—Въ самомъ словѣ: *Колѣда* слышится *коло*, т. е. колесо, кругъ.—Масляница—древній нашъ народный праздникъ—тоже соединялся съ мыслию о теченіи солнца и вотъ, между прочимъ, выраженіе этой мысли: «въ Переяславлѣ—Залѣскомъ, Юрьевѣ польскомъ, Владимірѣ и въ Вяткѣ, на масляницѣ, на огромныхъ саяхъ въ 12 лошадей, возятъ наряженнаго мужика, который сидитъ на *колесѣ* вверху столба, утвержденного посреди саяей, и держитъ въ рукахъ полштофъ съ виномъ и калачи». Вып. 11. стр. 127.—Опять безъ колеса дѣло не обходится. Мало этого. Колесо-то везутъ 12 лошадей—число слишкомъ соблазнительное, чтобы удалить мысль о 12 мѣсяцахъ, на которыхъ солнце какъ бы ѣздитъ по небу въ теченіе года.

круга *противъ солнца* и т. дал. Первое есть (можетъ быть) образъ суточного движенія солнца около земли, а то и другое вмѣстѣ—эмблема годового движенія солнца, которое то идетъ полгода (полкруга) въ одну сторону, то уходитъ на другое полугодіе въ другую, вращаясь кругообразно. Въ Русскомъ хороводѣ мы имѣемъ такимъ образомъ какъ бы грубо начертанную эклиптику прашуровъ нашихъ, или олицетвореніе годового пути солнца.—Хороводы на Купало, съ этой точки зрѣнія, представляются особымъ дѣйствіемъ богопочтенія, обращеннымъ нарочито къ солнцу—огню божественному.

Скаканіе чрезъ огонь—особый обрядъ съ своимъ частнымъ значеніемъ. Тутъ выражается тоже поклоненіе огню, но уже соединенное съ вѣрою въ *очищающее* вліяніе его на почитателей. Для того, чтобы вступитъ въ союзъ съ божественною силою огня и удостоиться ея очистительнаго дѣйствія, суевѣрію надо было какимъ нибудь *способомъ* воспринять ее и ближе подвергнуться ея вліянію. Потребность эта пробудилась въ мірѣ языческомъ очень рано. На востокѣ—родинѣ Европейскихъ племенъ и слѣд. вѣроятной родинѣ главныхъ основаній древне-славянскаго идолопоклонства—было въ обычай *проходить* сквозь огонь. IV книга царствъ говоритъ, что даже народъ Божій—Израильтяне (вѣковъ за 8—9 до Р. Хр.), увлеченные примѣромъ Финикіянъ и Малоазійцевъ служили Ваалу (солнцу) и *превоздаху сыны своя и дщери своя чрезъ огонь* (17 гл., 17). Что превозженіе это дѣлалось въ видахъ очищенія,—видно изъ свидѣтельства Богодухновеннаго законодателя Еврейскаго, предостерегавшаго еще въ свое время народъ Божій отъ служенія Молоху (распространеннаго между Хананейскими племенами) въ такихъ словахъ: «да не обря-

щется въ тебѣ *очищая* сына своего и дщерь свою огнемъ». (Второз. 18, 10). Если на востокъ прохожденіе сквозь огонь (между двумя кострами) имѣло цѣлю очищеніе; то не тогоже ли самаго очистительнаго дѣйствія огня желали и надѣялись и предки наши въ нерескакиваніи чрезъ огонь? Впрочемъ, и помимо подобныхъ соображеній, мы имѣемъ въ памятникахъ нашей языческой старины довольно данныхъ для заключенія, какое огромное значеніе придавали наши предки—язычники огню, какъ силѣ очистительной и—не только въ смыслѣ очищенія вѣшняго, но и нравственнаго, невидимаго. Г. Снегиревъ замѣчаетъ напр., что народцы, населявшіе Русь, подобно древнимъ Римлянамъ, сожигали своихъ умершихъ для того, *чтобы тѣлныя остатки сохранить отъ поруганія и душу очистить отъ скверны плоти* ¹². Вспомнимъ также извѣстные въ нашей древней исторіи такъ называемые суды Божіи (въ важныхъ случаяхъ—для уличенія виновныхъ и оправданія невинныхъ), изъ коихъ главнѣйшимъ (въ наиболѣе важныхъ случаяхъ) было *испытаніе огнемъ* (по которому безвредное держаніе испытуемымъ въ рукѣ куска желѣза, разжигаемаго огнемъ, считалось признакомъ невинности и—наоборотъ). Здѣсь огонь является, очевидно, такою силою, ко-

¹² Русск. прост. праздн. вып. 1. стр. 67.—Не участвовало ли какъ нибудь это древне-Римское суевѣріе языческое въ сочиненіи католиками догмата объ «огненномъ чистилищѣ» для грѣшныхъ душъ на томъ свѣтѣ? Если нѣтъ; то, по крайней мѣрѣ, остатокъ древняго суевѣрія не былъ ли причиною, что въ легкомысленной масѣ уже было *предрасположеніе* безъ протеста принять измышленный догматъ, какъ старую погудку, только на новый ладъ? Не имѣемъ данныхъ утверждать; но... спрось—не бѣда.

торая (по мысли суевѣрія) дѣйствуетъ на совѣсть, выводитъ наружу правду и обличаетъ кривду. Наконецъ, на нашей еще памяти курьѣзные (хоть, впрочемъ, весьма рѣдкіе) обычаи, какіе совершали Русскіе поселяне (мѣстами) во время падежа рогатаго скота. Дѣлывали такъ напр. на возвышенныхъ краяхъ лощины, рва (иногда и на ровномъ мѣстѣ) разводили огонь и потомъ черезъ лощину, или ровъ прогоняли, между огней, скотъ. Для чего это? Для того, конечно, чтобъ очистить, избавить стадо отъ лихой болѣзни. Чѣмъ же? Естественнаго какого нибудь вліянія огня тутъ видѣть нельзя: Тѣмъ труднѣе удержаться отъ предположенія, что въ такомъ странномъ мѣропріятіи сила суевѣрной надежды народа бессознательно коренится въ древне-языческой вѣрѣ въ очистительное дѣйствіе огненной стихіи,—вѣрѣ, весьма распространенной у древнихъ Славянъ и обнаруживающейся, какъ видно по дѣлу, и въ перепрыгиваньи черезъ огонь на Купалу.

Но огонь самъ по себѣ не раститъ и живитъ, а только жжетъ и мертвитъ. Поклоненіе одному огню въ Купалѣ было бы поклоненіемъ божеству карающему и разрушающему, а не плодоносящему. *Вода*—другая сила, совмѣстно съ огнемъ, раждающая плоды земные. Самая простая послѣдовательность требовала въ Купалѣ поклоненія водѣ, какъ и огню. Это поклоненіе надо предположить уже по той общей причинѣ, что водопоклонство, какъ и огнепоклонство, было распространено у славянъ — язычниковъ и является весьма рано. Прокопій, Византійскій историкъ VI вѣка, свидѣтельствуетъ, что Дунайскіе Славяне, признавая владыкою міра — творца молніи (огня, Перуна), «почитали и рѣки»¹³. Въ XI вѣкѣ Русскій переводчикъ Григорія Бо-

¹³ Примѣч. на исторію Леклера, соч. Болтина 2. ч. С-П-б. 1788.

слова вставилъ отъ себя такое замѣчаніе противъ суевѣрій своего отечества: «овъ требу створи на студенци джда нскы (ожидаѣ дожда) отъ него, забывъ яко Богъ съ небесе дождь даеть... Овъ рѣку богиню нарицаеть» ¹⁴. Лѣтописи наши говорятъ, что Русскіе Славяне *клали требы* озерамъ, рѣкамъ и колодцамъ. Если такое почтеніе къ рѣкамъ, озерамъ и колодцамъ происходило изъ того, что фантазія предковъ нашихъ населяла водныя вмѣстилища разными духами (водяные); то въ праздникъ Купалу поклоненіе водѣ имѣло и другое основаніе—въ мысли, что это есть сила, которую божество употребляетъ вмѣстѣ съ огнемъ для производительности земной. Въ теперешнихъ обрядахъ купальскихъ сохранился слѣдъ древняго поклоненія водѣ въ упомянутыхъ выше вѣнкахъ, травахъ и вѣткахъ, имѣвшихъ значеніе жертвъ Купалу. Но встарину было больше знаковъ этого поклоненія. Мнѣологи замѣчаютъ, что праздникъ Купала соединяемъ былъ у Славянъ съ молитвами рѣкамъ и источникамъ. Г. Снегиревъ въ экземплярѣ Кромеровоѣ исторіи; хранящемся въ Рижской публичной библіотекѣ, прочиталъ написанное стариннымъ почеркомъ слѣдующее: «и въ наше время Литовцы, равно какъ Летты и Кури, около Иванова дня, по старинному суевѣрію, украшаютъ цвѣтами и древесными листьями источники» ¹⁵.—Если тотъ же изслѣдователь находитъ признаки, что Литовцы на Ивановъ день приносили жертвы источникамъ; то мы, съ своей стороны, не имѣемъ права отвергать признаковъ того же и у Славянъ, основываясь на выраженіи, хотя и общемъ, Густынскаго лѣтописца, что предки наши, Бога невѣдущіе:

¹⁴ Русск. прост. праздн. Снегир. вып. 1. стр. 23.

¹⁵ Тамъ же стр. 13.

«жертвы богомерзскія приношаху озерамъ и кладезямъ»¹⁶

Какъ изъ мысли объ очищеніи родился у нашихъ предковъ—язычниковъ обычай перепрыгивать чрезъ огонь, такъ въ той же, должно быть, мысли совершался послѣдній обрядъ купальскаго вечера, т. е. *купанье* и обливанье. Доказать это трудно. Но *испытаніе* кипящей *водой*, бывшее судомъ Божиимъ у нашихъ предковъ, заставляетъ думать, что и вѣрованіе въ очистительную силу воды, какъ и огня, было у нихъ въ ходу. Въ купаньи на Купалу это вѣрованіе могло имѣть свое естественное мѣсто и требовалось идеею самаго праздника, выражавшаго поклоненіе двумъ первенствующимъ стихіямъ—водѣ и огню и вѣру въ ихъ вліяніе на судьбы человѣка. Приведенныя выше слова Стоглаваго собора показываютъ, что купанье на Купалу отцы понимали, какъ обрядъ съ мыслию бѣсовскою, а не какъ невинное удовольствіе, безъ всякой суевѣрной мысли. Самое, наконецъ, названіе божества *Купаломъ* ведетъ къ предположенію, что купанье, по мысли языческой, было обрядомъ священнымъ, соединявшимся съ мыслию о богопочитаніи. Вѣроятно, въ немъ, какъ и въ перепрыгиваньи чрезъ огонь, предки наши, по выраженію Густынскаго лѣтописца, «оному бѣсу жертву себе приносили»...

Таковъ составъ обрядовъ древне-славянскаго языческаго народнаго праздника въ честь Купала и таковы мысли и вѣрованія, выразившіяся въ немъ! Мысли эти и вѣрованія какъ ложныя, не могли долго жить и—онѣ давно уже забыты. Теперь остались и держатся безсознательно одни внѣшніе обряды, подобные трупу, изъ котораго давно вылетѣла жизнь:—наши дѣти лишь забавляются ими. Тѣмъ не менѣе мы нашли нужнымъ воскресить въ памяти эти забы-

¹⁶ Русск. лѣтоп. 2 томъ стр. 234.

тыя ложныя понятія предковъ нашихъ и освѣтитъ сознани-
емъ то, что дѣлають на нашихъ глазахъ безъ всякой мы-
сли дѣти наши. Мы вспоминаемъ и любимъ вспоминать свое
дѣтство, не смотря на то, что въ немъ такъ много у насъ
смѣшнаго, страннаго, несмысленнаго. Жизнь нашихъ пред-
ковъ, кланявшихся живымъ богамъ и совершавшихъ стран-
ные обряды въ честь ихъ,—это—дѣтство нашего великаго
народа. Всякому, думаемъ, любопытно знать, что думали,
дѣлали и какъ жили, наши пращурь, наши предки? Мы за-
даемъ себѣ эти вопросы и читаемъ съ увлеченіемъ, что
гласятъ о насъ лѣтописи и памятники наши. Вчитываясь,
видимъ къ сожалѣнію, что многое изъ нашей прошлой жизни
утратилось, безъ вѣсти пропало. Тѣмъ важнѣе обычаи на-
шего народа, сохранившіе для насъ давно прошедшія бы-
лины наши. Обряды купальскаго вечера съ этой стороны
особенно замѣчательны. Они—старше Нестора нашего, стар-
ше, быть можетъ, всѣхъ каменныхъ и металлическихъ па-
мятниковъ старины нашей и, не смотря на это, въ нихъ
сохранились до сихъ поръ слѣды древняго нашего быта и—
сохранились довольно цѣлостно. У кого не явится желаніе
прочитать хоть что нибудь въ такомъ памятникѣ,—полюбо-
пытствовать, о чемъ говорить онъ, какую мысль сберегъ
намъ отъ такой глубокой старины нашей, куда исторія не
пропускаетъ, или же гдѣ ступаетъ она ощупью, какъ въ по-
тѣлкахъ?...

Д. Ор.

ДВАДЦАТЬ - ЧЕТЫРЕ ЧАСА ВЪ ПЛѢНУ У ПОВСТАНЦЕВЪ.*)

Военный начальникъ калишскаго отдѣла, 9 сентября 1863 г., предложилъ мнѣ отправиться въ городъ Сѣрадзь, чтобы преподать духовную помощь больнымъ и раненымъ воинскимъ чинамъ, находящимся въ тамошнемъ военномъ госпиталѣ. Командировать для сего одного изъ полковыхъ священниковъ, въ городъ Калишъ квартирующихъ нельзя было, потому что малочисленность войскъ, оставшихся въ Калишѣ за расходомъ въ эспедиціи дозволяла дать ему достаточнаго конвоя. Дѣло было экстренное; я не смѣлъ отказаться, и на другойже день, въ отходящей изъ Калиша почтовой каретѣ, въ четыре часа послѣ обѣда, отправился въ г. Сѣрадзь, безъ конвоя, и даже безъ причетниковъ, потому что, въ прежніе мои проѣзды по приходу, я много имѣлъ хлопотъ съ встрѣчавшимися мятежниками, подозрѣвавшими въ моихъ причетникахъ переодѣтыхъ солдатъ.

Только отѣхали мы отъ Калиша версть 20-ть, въ селѣ Шитникахъ, толпа вооруженныхъ непріятельскихъ всадниковъ окружила почтовую нашу карету, и приказала поворотить вправо съ шоссе, на проселочную дорогу; темные сумерки, проливной дождь, падавшій весь день, и узкая, ухабистая дорога замѣдляли нашъ поѣздъ. Въ 7 часовъ вечера, мелькавшіе огоньки и шумный разноязычный говоръ дали намъ понять, что мы находимся уже близко лагеря повстанцевъ. Дѣйствительно, карета наша, круто поворачивъ налѣво, вдругъ остановилась предъ небольшимъ домомъ, сильно освѣщеннымъ и полнымъ народу. Выходя изъ экипажа, я замѣтилъ, что мы находимся въ мѣстечкѣ Ивановицахъ,

* Странникъ, 1864 г. Мартъ.

передъ домою знакомою мнѣ помѣщицы Вѣнжикъ. Это обстоятельство не могло, однако, ручаться за мою безопасность. Изнемогая отъ сильнаго волненія духа, я, трепетными ногами, перешагнувъ порогъ этого дома, и, пораженный необыкновеннымъ видомъ людей, его наполнявшихъ, упалъ на первый попавшійся мнѣ стулъ. Стаканъ холодной воды и нѣсколько знакомыхъ голосовъ привели меня въ сознаніе.

Я попросилъ, чтобы кто нибудь представилъ меня ихъ предводителю. Одинъ изъ бывшихъ учениковъ моихъ, въ калишской гимназій, вызвался услужить мнѣ въ этомъ. Онъ подвелъ меня къ мужчинѣ среднихъ лѣтъ, лучше прочихъ одѣтому, и назвалъ его полковникомъ Слупскимъ. Я спросилъ его, что онъ намѣренъ дѣлать со мною. На это онъ мнѣ отвѣтилъ, что хотя русскіе, повѣсивши нѣсколькихъ ксендзовъ латинскихъ, дали ему полное право такъ же поступить со мною, безъ всякаго суда и расправы; но онъ желаетъ прежде развѣдать, кто и каковъ я, а затѣмъ рѣшеніе о жизни или смерти моей будетъ произнесено общимъ приговоромъ. Отойдя отъ Слупскаго, я смутнымъ взоромъ окинулъ толпу судей своихъ; кромѣ двухъ-трехъ личностей, мнѣ знакомыхъ, суровыя лица остальныхъ не предвѣщали мнѣ спасенія. Между тѣмъ, послѣ 9-ти часовъ, подали чай и ужинъ вмѣстѣ; хозяйка дома вѣжливо пригласила меня къ столу и указала на мѣсто возлѣ Слупскаго. Конечно, въ эту минуту я не могъ имѣть охоты къ пищѣ; но, чтобы скрыть предъ врагами свою слабость, я, скрѣпя сердце и помолившись Богу, сѣлъ за столъ, за которымъ сидѣло человекъ сорокъ, разноформенно-одѣтыхъ и на всѣхъ европейскихъ языкахъ разговаривающихъ.

Увидя лица бывшихъ учениковъ моихъ, теперь противъ меня за столомъ сидѣвшихъ, я нарочно завелъ разговоръ

о времени бытности ихъ въ гимназiи. Сладостныя всякому воспоминанiя дѣтства поневолѣ расположили многихъ другихъ собесѣдниковъ въ принятiю участiя въ нашемъ разговорѣ. Но хитрый Слупскiй, замѣтивъ, что въ этихъ разсказахъ ясно свидѣтельствуется отеческое мое обращенiе съ бывшими моими учениками, и что такимъ образомъ я незамѣтно располагаю судьей своихъ въ свою пользу, перервалъ бесѣду нашу громкимъ вопросомъ: «что найдено въ почтовой каретѣ?»

Въ то время одинъ изъ повстанцевъ, сидѣвшiй въ концѣ стола, съ перевязаннымъ чрезъ плечо бѣлымъ платкомъ (это значило, что онъ сегодня исправляетъ должность дежурнаго офицера), отвѣчалъ, что всѣ пассажирскiя вещи пересмотрѣны самымъ тщательнымъ образомъ, и не нашлось ни вещей, ни писемъ, подлежащихъ конфискаци; казенная переписка вся сожжена; жидъ, при которомъ найдена записка къ русскому офицеру, содержится подъ стражей въ конюшнѣ. «Затѣмъ», сказалъ онъ, взглянувши на меня угрюмо, «остается узнать, что за вещи хранятся въ сундучкѣ, принадлежащемъ попу, среди насъ бесѣдующему, за какимъ видомъ, и съ какою цѣлю онъ ѣдетъ въ Серадзъ, и нѣтъ ли при немъ писемъ, или какого оружiя. Въ случаѣ чего нибудь, можно бы угостить его иначе».

Какъ только, по приказанiю того же дежурнаго варвара, внесли въ комнату сундукъ мой съ церковными вещами, и, съ пламенною молитвою въ сердцѣ, всталъ изъ-за стола, отперъ свой сундукъ, поскорѣ надѣлъ на себя епитрахиль, и, поднимая вверхъ святыя дары въ ковчегцѣ, громко провнесъ слѣдующiя слова по польски; «Вотъ мой паспортъ, мое оружiе, мой щитъ! это Богъ мой и вашъ вмѣстѣ! Онъ насъ разсудитъ, кто правъ и кто виноватъ. Именемъ сего

Бога, совѣтую вамъ не умножать праведнаго гнѣва Его въ день страшнаго суда Его, и не позорить несчастной націи своей разными новыми неправдами!» Изумленная толпа оцѣмѣла. Стоявшій кто-то въ углу осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ и началъ класть земные поклоны. Я самъ задрожалъ, увидѣвши себя на такой высотѣ своего положенія, и не зналъ, что дальше дѣлать. Въ эту минуту женское сердце хозяйки дома проговорило первое. Она предложила мнѣ отправиться со святыми дарами въ ея молельню. Поставивъ тамъ святыню свою на приличномъ мѣстѣ, я упалъ на колѣни, залился слезами и началъ молиться Богу, тамъ намѣреваясь такъ провести всю ночь. Но едва кончилъ я канонъ святому Ангелу-хранителю, и немного пришелъ въ себя, слухъ мой пораженъ былъ необыкновеннымъ шумомъ и крикомъ, происходившимъ въ залѣ, гдѣ часто произносилось мое названіе.

Я понялъ, что тамъ рѣшается моя участь. Нѣсколько минутъ спустя, вошло ко мнѣ дежурное чудовище, въ которомъ я уже видѣлъ моего палача, и потребовало меня въ залу. Между тѣмъ милосердый Богъ, терпящій грѣхамъ моимъ, претворилъ уже злобу враговъ моихъ въ безсиліе. Предъ умолкнувшею бандою, Слупскій объявилъ мнѣ слѣдующій приговоръ: «Такъ какъ ученики ваши свидѣлствуютъ о хорошемъ вашемъ обращеніи съ ними,—окрестные же помѣщики удостовѣряютъ, что вы, будучи членомъ благотворительнаго общества въ Калишѣ, много трудились въ пользу бѣдныхъ, и никто не заявилъ какого либо вмѣшательства вашего въ дѣла политическія,—то даруется вамъ жизнь, съ тѣмъ, чтобы вы ни словомъ, ни письмомъ, не смѣли давать знать въ Калишѣ подполковнику Тарасенкову, и передъ русскими не смѣли насъ называть варварами».

Съ тѣхъ поръ Слупскій видимо старался доказать мнѣ свою вѣжливость и вниманіе.

Пробесѣдовавъ со мною до 1 часа почи о разныхъ историческихъ событіяхъ здѣшняго края, причемъ мы оба явно избѣгали малѣйшаго намека на современность, не смотря на то, что, въ разсказѣ моемъ о воссоединеніи униатовъ съ православною Церковію, очень ясно я выразилъ несбыточность ихъ мечтаній,—онъ, наконецъ предложилъ мнѣ принять приготовленную для него постель, для отдыха, а самъ отправился осматривать свои караулы и пикеты. Въ три часа почи, меня разбудилъ страшный шумъ и крикъ въ сосѣдней комнатѣ. Я хотѣлъ было посмотрѣть, что тамъ дѣлается, но часовой, стоявшій у дверей моихъ, поднявъ и направивъ ко мнѣ револьверъ свой, приказалъ мнѣ опять лечь въ постель. Вслушавшись въ слова, которыя тамъ произносилъ Слупскій, и въ плачевные отвѣты на нихъ, я понялъ, что тамъ дѣло идетъ объ осужденіи того часоваго, которому вчера отданъ былъ подъ караулъ несчастный жидъ, ѣхавшій вмѣстѣ съ нами въ почтовой каретѣ,—и ночью бѣжавшій. Не знаю, чѣмъ кончился этотъ судъ, по съ разсвѣтомъ, слышалъ я вдали залпъ нѣсколькихъ выстрѣловъ, окончательно прогнавшій сонъ съ глазъ моихъ.

Въ восемь часовъ, пригласили меня въ общую залу къ чаю. Врачныя фізіономіи начальника и всѣхъ его соратниковъ, по большей части неприкасавшихся къ предлагаемой пищѣ, родили во мнѣ два предположенія, или они скорбятъ о погибшемъ своемъ братѣ, или узнали о приближеніи русскихъ войскъ. Благоразуміе не позволяло мнѣ отнестись къ кому либо изъ нихъ съ подобнымъ вопросомъ. Между тѣмъ, меня сильно мучило новое опасеніе. Вчера, когда я отходилъ ко сну, одинъ изъ шайки *на добра-ночь* сказалъ мнѣ:

«хорошо, вы остаетесь живы; но если ночью на нас нападут русские, то вы, съ своей святыней, станете передь нами противъ нихъ». Зная безпредѣльность ихъ безумія, я не могъ не вѣрить въ сбыточность сего величайшаго для меня несчастія, если бы только сейчасъ нагрянули сюда войска. Къ счастью моему, бѣжавшій ночью жидъ, какъ я узналъ послѣ, опоздалъ съ доносомъ къ русскимъ о близости Слунскаго. Миѣ крайне хотѣлось знать, доколѣ я буду страдать въ этомъ скопищѣ враговъ мира, и я рѣшился наконецъ спросить Слунскаго, когда будетъ ему угодно отпустить меня? На это онъ миѣ отвѣчалъ, что доколѣ онъ не соберетъ достовѣрныхъ свѣдѣній о безопасности предложенной себѣ дороги до тѣхъ поръ я долженъ оставаться съ ними. Я прибавилъ, что тамъ больные, умирающіе, ждутъ меня. Онъ въ отвѣтъ не сказалъ ни слова, но, послѣ продолжительно-устремленнаго на меня взгляда, нѣмымъ знакомъ далъ миѣ понять, что не можетъ отмѣнить своего рѣшенія.

Очевидно, предводитель банды не хотѣлъ пустить меня потому, чтобы я, прибывши въ Серадзь, не проговорился о мѣстѣ его нахождения. Это былъ верхъ моихъ страданій. Я трепеталъ при мысли, что солдаты русскіе, незнавшіе о моей командировкѣ, заставъ меня въ лагерь польскомъ, могутъ нанести миѣ оскорбленія, хуже смерти. Но Ангель-хранитель мой послалъ Слунскому мысль, которая ускорила выходъ мой изъ этого отчаяннаго недоумѣнія. Послѣ чаю онъ спросилъ: когда чрезъ Шитники проходитъ почтовая карета изъ Рокицинь въ Калишъ? Ему отвѣчали, что она проходитъ послѣ 9 часовъ утра. Взглянувъ на часы, онъ крикнулъ: «сейчасъ же ее сюда доставить», вѣроятно, потому, чтобы она въ Калишѣ, объявивши о задержаніи вчерашней, не вызвала его преслѣдованія.

Около половины одиннадцатаго часа, къ намъ на дворъ въѣхала рокицинская курьерка. Первый вышедшій изъ нея пассажиръ, какой-то купецъ позенскій (изъ Пруссіи), объявилъ, что русскіе въ Серадзѣ знаютъ о близости Слупскаго, но полагаютъ, что онъ въ окрестностяхъ м. Варты, куда и выступили они въ 7 часовъ утра. При семъ извѣстіи, природный полякъ не могъ не высказать природной національной слабости своей—хвастовства. «Хорошо», сказалъ Слупскій, «завтра утромъ, оттолкнемъ идущихъ къ намъ москалей изъ Вѣлюня, а вечеромъ, здѣсь же, развѣдаемся съ сѣрадзскими». Жалкій человекъ! не зналъ онъ, что не побѣда, но совершенное пораженіе, послѣ 10-ти дневной гонки безъ отдыха, ждетъ его подъ Вавець, близъ Радомска, гдѣ трехсотенный отрядъ его кавалеріи пораженъ наголову нашимъ подполковникомъ Тарасенковымъ. Прояснившись затѣмъ лица мятежниковъ дали и мнѣ смѣлость, мимоходомъ, въ разговоръ, высказать надежду свою скорого отъѣзда отсюда. Слупскій, для успокоенія моего, сказалъ, что послѣ обѣда развѣдемся вмѣстѣ,—онъ въ свою сторону, а я въ свою.

Въ два часа подали обѣдъ, при которомъ, отъ разныхъ колкостей, растерзанному духу моему еще разъ суждено было испытать сильную, но уже послѣднюю въ эти сутки тревогу. За полчаса до обѣда, возвратившіеся съ развѣзда бандиты являлись къ своему предводителю съ рапортами о наблюденіяхъ; въ числѣ ихъ поразила меня одна личность, которой осанка и приемы рѣзко отличались отъ прочихъ, а черты лица убѣждали меня, что это донской казакъ-измѣнникъ. Я вспомнилъ клавшаго вчера земные поклоны передъ св. дарами, и, не будучи въ состояніи снести его вида,—вышелъ въ другую комнату съ негодованіемъ, которое впрочемъ, онъ замѣтилъ. Къ концу обѣда, нагло явился въ

залу этотъ несчастный предатель и, подойдя ко мнѣ, объявилъ, что онъ хочетъ сказать что то секретное.

— «Видишь, братецъ», отвѣчалъ я, «ты на свободѣ, а я въ плѣну; между нами секретовъ быть не можетъ;— иначе вооружимъ противъ себя насъ окружающихъ. Говори вслухъ, что тебѣ угодно?»— «Я хочу исповѣдываться и приобщиться.»— «Вопервыхъ, ты нетрезвъ», сказалъ я, «вторыхъ тебѣ нужно совершить великое, очень великое покаяніе.»— «Молчи»; сказалъ онъ мнѣ шипящимъ отъ злости голосомъ, — «убью какъ собаку!» Двинувшуюся къ столету руку его схватилъ сидѣвшій возлѣ меня Слупскій, выскочили изъ-за стола другіе, безоружили и арестовали. — Недавно я слышалъ, что, послѣ разбитія Слупскаго, этотъ несчастный казакъ скитался нѣсколько дней въ лѣсу близъ Велюня, наконецъ пойманъ и разстрѣлянъ.

Въ четыре часа послѣ обѣда, начались сборы къ отъѣзду, —счеты да расчеты съ жителями м. Ивановиць и съ сосѣдними помѣщиками за доставку хлѣба, мяса, сѣна, овса и другихъ потребностей; но не всѣ поставщики получали слѣдовавшія имъ деньги; нѣкоторымъ было отказано, другіе сами изъявляли желаніе, чтобы приняты были приношенія, какъ жертвы для *ойчины*, — словомъ, видна была скудость ихъ войсковой казны.

Наконецъ явилась предъ домомъ нашимъ почтовая карета. Прощаясь при ней со мною, Слупскій предложилъ взглянуть направо. На обширномъ полѣ стояло полчище его кавалеріи, и впереди—пѣхота; и та и другая поставлены были фронтомъ къ пролегавшей здѣсь дорогѣ. «Понимаю», отвѣчалъ я ему: «вамъ угодно, чтобы я, видя, ничего не видѣлъ.»— «Да», сказалъ онъ; «о направленіи движенія моего узнають тогда, когда уже меня не будетъ тамъ, гдѣ будутъ

искать меня». Въ это время явились ѣхавшіе вчера со мною пассажиры; они содержались эти сутки въ м. Ивановицахъ, подъ особымъ карауломъ. «Прощайте», сказалъ Слупскій, «садитесь: но не желаю вамъ быть любопытнымъ; мои люди проведутъ васъ до Блажекъ». — «Увѣрю васъ», отвѣчалъ я, «что, кромѣ бѣдствій, рѣшительно ничего не вижу». Тутъ двинулась карета, и я, вздохнувъ, всею душою своею возблагодарилъ всеблагаго Бога Избавителя моего. Мы выѣхали изъ Ивановиць около 6 часовъ вечера; значить, ровно цѣлые сутки я находился подъ дуломъ пистолета. Мнѣ двадцать четыре часа довелось страдать страданіями преступника, при полномъ убѣжденіи въ своей невинности. Долго еще при дверцахъ нашей кареты слышалось бряцаніе оружія сопровождавшихъ насъ бандитовъ; но съ усиленіемъ вечерней темноты, они стали отъ насъ отставать, и наконецъ незамѣтно исчезли. Простоявъ болѣе двухъ часовъ на почтовой станціи въ м. Блажкахъ, и дождавшись прихода другой почтовой кареты изъ Калиша, я присоединился къ новымъ пассажирамъ, и поѣхалъ въ Серадзь, куда и прибылъ въ двѣнадцатомъ часу ночи.

На другой день, явившись къ военному начальнику сѣрадзьскаго уѣзда, я приступилъ къ исполненію разныхъ духовныхъ требъ нуждавшимся въ оныхъ больнымъ и раненымъ воинскимъ чинамъ. Послѣ всего, артиллерійскій полковникъ Энгельгардтъ пригласилъ меня къ обѣду, за которымъ, выслушавъ разсказъ мой о вчерашнемъ моемъ положеніи въ станѣ мятежниковъ, сказалъ мнѣ, что хотя онъ не желалъ бы вторично выставлять меня на подобныя опасности, но находитъ крайнюю необходимость просить меня рѣшиться еще проѣхать верстъ около тридцати въ м. Видаву. Тамъ, на содержаніи мѣстнаго доктора, находится пять че-

ловѣкъ лейбъ-казаковъ, тяжело раненыхъ въ сраженіи при Сепдзевовицахъ. Оперировавшіе ихъ доктора свидѣтельству ютъ о пламенномъ ихъ желаніи видѣть священника, и ут верждають, что успокоеніе духа сильно подѣйствуетъ къ возстановленію физическихъ силъ этихъ безпримѣрно-храб- рыхъ молодцовъ. — Сего было достаточно для моего рѣшенія.

Въ седьмомъ часу вечера, я, по экстра почтѣ, поѣхалъ въ Видаву. Непроходимые и безконечные лѣса, черезъ ко- торые пролегла моя дорога, въ сильно потрясенномъ во- ображеніи моемъ, казалось, населены были тысячами раз- бойниковъ; молитва и иногда разговоръ съ ящичкомъ ободр- яли меня, но попадавшіеся мнѣ навстрѣчу какіе-то воо- руженные всадники, по два, по три, и проскакавшіе мимо меня безъ оглядки, сильно удивляли меня. Я почувствовалъ какой-то жаръ въ крови своей и сильную боль около серд- ца. Къ счастью моему, мелькнувшіе огоньки въ близкой деревнѣ обрадовали и успокоили духъ мой. Тутъ я узналъ, что лѣса эти, нѣсколько дней тому назадъ, совершенно о- чищены отъ мятежниковъ, которые теперь, поодиночкѣ, или кроются по домамъ, или летятъ для соединенія съ большою бандою Слупскаго. Между тѣмъ русскіе отряды, собираю- щіе подати по деревнямъ и мѣстечкамъ, большую часть ихъ переловили. Послѣ того я уже не считалъ чудомъ безвре- дно пронесшихся мимо меня всадниковъ. Далеко за-полночь, пріѣхалъ я въ Видаву.

Утромъ явился я къ доктору Лещинскому, и оба вмѣ- стѣ отправились мы къ больнымъ. Звукъ русскаго слова, видъ русскаго священника, явленіе среди ихъ самого Бо- га, въ таинствѣ евхаристіи, такую радостию потрясли серд- ца этихъ людей, что докторъ изъяснилъ опасеніе насчетъ ихъ здоровья. Много было хлопотъ, пока удалось привести ихъ

въ спокойное состояніе духа. За тѣмъ я приступилъ къ своему дѣлу; помолвившись съ ними Богу, я пробесѣдовалъ съ ними слишкомъ часть времени; наконецъ исповѣдалъ и приобщилъ ихъ св. таинъ Христовыхъ. Не умѣю достойно оі писать все величіе простоты и всю силу твердости ихъ вѣры и благочестія. Подобныхъ людей я мало встрѣчалъ въ жизни моей. Теперь я понимаю, почему и Энгельгардтъ хвалилъ ихъ, и самые враги, дравшіеся съ ними, не находятъ словъ на похвалу ихъ мужества. Истинная храбрость только съ чистотою вѣры и совѣсти совмѣстна. За то жъ и послалъ имъ Богъ, среди враждебнаго народа, евангельскаго самарянина: докторъ Лещинскій на свой счетъ ихъ содержитъ и лѣчитъ, а жена его смотритъ за ними и сама перевязываетъ ихъ раны.

На другой день, отправился я въ Сьрадзь, куда и прибылъ въ три часа послѣ обѣда. Обратный путь этотъ я совершилъ днемъ, а потому безъ всякихъ опасеній и безъ большихъ приключеній. Попадавшіеся мнѣ въ деревняхъ и на постоянныхъ дворахъ жандармы-вѣшатели, вѣроятно, уже знали о бытности моей въ станѣ Слупскаго, и полагали, что мое путешествіе для нихъ безвредно. Приѣхавши въ Сьрадзь, и отслуживши тамъ на другой день, въ праздникъ воздвиженія креста Господня, малую обѣдницу, я почувствовалъ усиленіе боли около сердца. Скоро временныя медицинскія пособія спасли жизнь мою, но не могли предохранить отъ долговременныхъ страданій. Я пролежалъ въ Сьрадзь три дня. 18-го сентября 1863 года, съ большимъ трудомъ, я прибылъ въ Калишъ. Необыкновенное біеніе сердца и затѣмъ тифозная горячка продержали меня около шести недѣль въ кровати. Молитвами дѣтей монаховъ, теперь начинаю приходить въ себя, и уже въ день архистратига Михаила могъ литургисать.

Протоіерей Крашановскій.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Православныя церкви въ царствѣ Польскомъ: Греческія церкви. Протоіерей Новицкій. Архіерейская кафедра въ Варшавѣ. Устроеніе русскихъ Православныхъ церквей. Архіепископы: Антоній, Никаноръ, Арсеній и Іоанникій. Нынѣшнее состояніе церквей русскихъ въ Польшѣ. Русскія школы въ царствѣ Польскомъ

Въ то время, когда шляхта, пренебрегая торговлею и ремеслами, занималась конфедераціями и систематическимъ распространеніемъ въ своей странѣ анархіи, греки, привлеченные въ Польшу выгодною для нихъ торговлею виномъ и поселившись въ Варшавѣ, Люблинѣ, Калишѣ, Піотрковѣ и другихъ городахъ, просили польское правительство позволить имъ устроить церковь и имѣть своего священника для отправления церковныхъ требъ; но, какъ диссидентамъ, имъ было отказано. Во второй разъ, послѣ долгихъ и усиленныхъ просьбъ, имъ было дозволено имѣть въ Варшавѣ священника, но только не свѣтскаго, а монаха, и не въ качествѣ священника, а въ качествѣ купеческаго прикащика. Прибывшіе греческіе монахи исполняли духовныя требы въ Польшѣ, какъ исполняли первые христіане во времена преслѣдованій христіанской вѣры. Тайно, подъ опасеніемъ смерти, они посѣщали дома своихъ единовѣрцевъ, наставляли ученію православной церкви, переодѣваясь прикащиками и совершая богослуженіе въ сырыхъ, темныхъ погребахъ и пивницахъ. Воспользовавшись ходатайствомъ и заступничествомъ за диссидентовъ русскаго посольства въ Варшавѣ, греки выхлопотали, наконецъ, право устроить въ Варшавѣ домашнюю церковь. Хотя король Станиславъ-Августъ Понятовскій грамотою 1790 г., дозволилъ грекамъ

имѣть церкви, но ненависть католическаго духовенства къ православію была такъ велика, что оно старалось всѣми силами не допустить, чтобы церкви были выше еврейскихъ синагогъ. Для достиженія благой цѣли, варшавскіе греки начали съ 1796 года складчину и устроили домашнюю церковь, сначала въ Сапѣжинскомъ дворцѣ, а потомъ, когда этотъ дворецъ былъ занятъ французами подъ казармы, православная церковь устроена была на Козьей улицѣ, самой узкой и въ настоящее время самой грязной, въ домѣ грека Дадани, въ деревянномъ флигелѣ. Но на этой церкви не дозволено было ни поставить креста, ни имѣть колокола.

Послѣ 1815 года, греки вздохнули свободнѣе: покровительствуемые нашимъ правительствомъ, они задумали построить православный храмъ Божій. Пожертвованія посыпались щедро: въ короткое время собрано было 47.313 злотыхъ. Они купили 3-хъ-этажный домъ на Подвальной улицѣ, подъ № 497, и въ каменномъ корпусѣ устроили въ 1818 году нынѣшнюю церковь во имя Святой Троицы. Покупка дома и устройство церкви стоили 146.780 злотыхъ. Это есть первая православная церковь по возстановленіи Польши. Бывшая до этого времени въ Брилевскомъ дворцѣ посольская церковь, во время революціи 1793 года, была разграблена, иконы и утварь расхищены и ходили по частнымъ рукамъ. Уцѣлѣвшія иконы, хотя и поврежденные, выкуплены были послѣ греками и поставлены во вновь устроенной церкви.

Греческія церкви въ Польшѣ были зависимы отъ буковинскихъ епископовъ; но эта зависимость состояла въ томъ, что послѣдніе давали соизволеніе и благословеніе священникамъ отправляться въ Польшу, которые затѣмъ уже не давали епископамъ никакого отчета въ своемъ управленіи.

Греческія церкви управлялись такъ называемою кураторією изъ самихъ грековъ.

Въ 1825 г., греческія церкви подчинены вѣдомству мпискаго архіепископа, а въ 1827 г., ноября 3-го, указомъ, даннымъ святѣйшему синоду, повелѣно все церкви и монастыри подчинить вѣдомству волынскаго епархіальнаго архіерея. Въ 1828 году послѣдовало назначеніе благочиннаго надъ всеми церквами въ Царствѣ польскомъ. Первымъ благочиннымъ и вмѣстѣ первымъ настоятелемъ подвальной православной церкви былъ воспитанникъ Кіевской Духовной Академіи протоіерей Теофиль Новицкій *. Въ 1831 году, достойному протоіерею суждено было испытать преслѣдованія и гоненія, которыя онъ перенесъ, какъ истинно русскій и православный пастырь. Революціонеры старались всеми силами сдѣлать православную церковь мѣстомъ политическихъ демонстрацій. Они домогались, чтобы протоіерей Новицкій во время священнодѣйствія не упоминалъ имени Государа и Августѣйшей Фамиліи. Послѣ долгихъ происковъ и іезуитскихъ интригъ, отвергаемыхъ протоіереемъ съ негодованіемъ, они прибѣгли къ слѣдующей хитрости:

Піарскій ксендзъ Пулавскій подослалъ къ протоіерею двухъ университетскихъ студентовъ, которые назвали православными, и просили протоіерея Новицкаго отслужить имъ панихиду по умершимъ ихъ родственникамъ; между тѣмъ ксендзъ приготовилъ возмутительную проповѣдь, чтобы, воспользовавшись панихидою, прочесть ее въ православной церкви. Но протоіерей Новицкій, понявъ іезуитскую хитрость, обратился къ бывшему въ то время министру духовныхъ дѣлъ Лелевелю и энергически протестовалъ про-

* Прежде г. Новицкаго настоятелемъ временнымъ былъ подковой священникъ Ѳеодоръ Боборикинъ.

тивъ наглости требованій революціонеровъ, прося у Делевели защиты во имя вѣротерпимости; «но вмѣсто ожидаемой защиты и слѣдуемаго по закону покровительства вѣротерпимости, слышалъ отъ него то двусмысленности, то тонкія и хитрыя сужденія въ пользу возмугителей, съ предложеніемъ даже льстивыхъ наградъ, которыя были отвергнуты протоіереемъ, какъ предметы, недостойныя пастыря въ то время, когда званіе его поставляло ему въ обязанность, для защиты правъ своей церкви, говорить сильнымъ языкомъ истины». По успокоеніи страны, протоіерей Новицкій съ неутомимою энергіею началъ дѣйствовать къ утвержденію православной церкви, особенно съ тѣхъ поръ, когда назначенъ былъ членомъ правительственной комиссіи духовныхъ дѣлъ и просвѣщенія. Еще во время коронаціи Императора Николая 1829 года въ Варшавѣ, протоіерей Новицкій, первый сообщилъ мысль одному изъ лицъ, бывшихъ при Государѣ, о необходимости устроить въ Варшавѣ православный храмъ Божій, соответственный великолѣпію и торжеству нашего богослуженія. Мысль эта была осуществлена по учрежденіи въ Варшавѣ викаріатства.

Православная епископская кафедра въ Варшавѣ, въ качествѣ викаріатства вольнской епархіи, учреждена въ 1834 году и новохротоносованный варшавскій епископъ Антоній, бывший до того времени настоятелемъ Почаевской лавры, прибылъ въ Варшаву 9-го октября того же года. Съ этихъ поръ начинаютъ быстро умножаться православныя церкви въ царствѣ Польскомъ.

Кромѣ известной уже подвальной церкви Св. Троицы, устроена была церковь въ цитадели, въ 1835 году, во имя Александра Невскаго, и вольская кладбищенская, во имя Владимірской Божіей Матери, передѣланная изъ косте-

ла, послѣ взятія штурмомъ предмѣстья варшавскаго, Воли; лазенковская церковь построена въ 1846 году; одновременно съ соборомъ св. Троицы сооружена при архіерейскомъ домѣ Преображенская церковь въ 1837 году, а потомъ и Покровская, 1849 г. Особеннаго вниманія заслуживаетъ Свято-Троицкій варшавскій соборъ. Заложенный въ 1835 году, по плану архитектора Андрея Голландскаго, соборъ Святой Троицы построенъ въ 1837 году въ византійскомъ вкусѣ, на Долгой улицѣ, выходящей на Красинскую площадь. Пять позолоченныхъ куполовъ ярко и величественно блестятъ посреди угрюмыхъ, мрачныхъ, почернѣлыхъ и таинственныхъ католическихъ костеловъ. Средній, самый большій куполь, укрѣпленный на 4 сводахъ, возвышается надъ прочими. Въ этомъ куполь висятъ большіе колокола, вылитые въ Варшавѣ русскими мастерами и стоящіе 7.761 р. 57½ коп. сер. Къ собору пристроены другія церковныя зданія: съ правой стороны отъ фронта примыкаетъ архіерейскій домъ, а съ лѣвой—зданіе, въ которомъ помѣщаются церковно-служители, консисторія и духовное училище. Внутренность храма отдѣлана превосходно. Вызолоченный иконостасъ украшенъ 24-мя большими и малыми образами и стоилъ 8.944 р. 50 к.; царскія врата сдѣланы изъ бронзы и вызолочены въ огнѣ. Алтарь украшенъ большимъ образомъ Св. Троицы, отличной работы Александра Копуляра.

Вся постройка храма съ внутренними и наружными украшениями и побочными зданіями стоитъ 120.000 р. 75 к. Этотъ православный храмъ Божій для русскихъ составляетъ здѣсь единственное утѣшеніе, единственное мѣсто, напоминающее Россію. Въ воскресный, праздничный или торжественный день, звучный гулъ колоколовъ, раздающійся

по Варшавѣ, посреди пискливыхъ голосовъ костельныхъ звонковъ, невольно переноситъ мыслью, чувствомъ и сердцемъ въ Россію. Храмъ освященъ 18-го (30-го) іюля 1837 г., викаріемъ Антоніемъ. При освященіи храма присутствовало все высшее католическое духовенство. Участіе польскаго католическаго духовенства при освященіи храма, при всемъ антагонизмѣ его къ православію, было слѣдствіемъ нравственнаго вліянія на него и нравственнаго надъ нимъ превосходства преосвященнаго Антонія и протоіеря Новицкаго. Нельзя не остановиться на этомъ вліяніи и не сказать о немъ нѣсколькихъ словъ.

Послѣ 1831 года, хотя революція и была подавлена, но умы не были успокоены. Ненависть ко всему русскому и православному поддерживалась сочиненіемъ каноника Серчинскаго, на польскомъ языкѣ: «Сходство и различіе церквей», изданнымъ въ самый разгаръ революціонныхъ страстей. Это сочиненіе, имѣвшее огромное вліяніе на умы, направлено было противъ православія и поддерживало всю ненависть къ нему. Въ такое время прибылъ въ Варшаву преосвященный Антоній, для утвержденія православной катедры. Сколько требовалось силы воли, терпѣнія, опытности и высокой нравственности, чтобы съ успѣхомъ бороться съ крамолою и мятужными страстями. Но не прошло и года, какъ достойный архипастырь, одною истинною, христіанскою любовью побѣдилъ своихъ, повидимому, непримиримыхъ враговъ и сдѣлался лицомъ всеобщаго уваженія. Совершенное знаніе польскаго и французскаго языковъ помогли ему имѣть вліяніе на аристократію и высшее духовенство. Пріятность и кротость въ обращеніи, доброта сердца и свободный доступъ каждому, очаровывали всякаго. Преосвященный Антоній сгруппировалъ вокругъ себя предста-

вителей всѣхъ вѣроисповѣданій, не исключая и раввиновъ. Въ день новаго года или торжественнаго праздника нашей церкви, эти представители считали первымъ своимъ долгомъ поздравить нашего архипастыря. При богослуженіи, совершаемомъ Антоніемъ, православный соборъ наполнялся католиками. Торжественность богослуженія, при стройномъ хорѣ пѣвчихъ, привлекала иновѣрцевъ въ русскій храмъ Божій. Готовность благотворить, благородная рѣшительность и твердость преосвященнаго въ помощи несчастному заставляли его ходатайствовать у высшихъ властей, не смотря ни на какія препятствія. Преосвященный Антоній любилъ дѣтей, особенно мальчиковъ, оторванныхъ отъ родителей каковыми были пѣвчіе. Какъ пѣжный и попечительный отецъ онъ заботился о нихъ и наблюдалъ, чтобы мальчики были какъ слѣдуетъ одѣты, обуты и накормлены. При проѣздѣ преосвященнаго по Варшавѣ, толпы народа всѣхъ исповѣданій, не исключая и евреевъ, тѣснились возлѣ экипажа, чтобы привѣтствовать любимаго архипастыря снятіемъ шапки, или поклономъ. Наше духовенство поставлено было Антоніемъ на степень высокаго уваженія. — Варшавское викаріатство существовало 6 лѣтъ; въ 1840 году оно преобразовано въ особую варшавскую епархію и викарій Антоній назначенъ былъ первымъ архіепископомъ варшавскимъ и новогоріевскимъ.

Съ возведеніемъ преосвященнаго Антонія въ санъ митрополита 17-го января 1843 года, вольнскому архіепископу, преосвященному Никанору, повелѣно быть архіепископомъ варшавскимъ, съ званіемъ архимандрита Почаевской лавры. Православная кафедра, упроченная Антоніемъ, подъ управленіемъ преосвященнаго Никанора распространилась. Построено и освящено нѣсколько новыхъ храмовъ, уведи-

чилось число православныхъ изъ другихъ исповѣданій. Православное духовенство, постановленное Антоніемъ на степень всеобщаго уваженія, умѣло поддержать себя и послѣ него. Не было ни одной тяжбы, ни одной жалобы, ни одного суднаго дѣла во время управленія Никанора, который въ 1848 г., по Высочайшему повелѣнію отозванъ въ С.-Петербургъ, гдѣ и возведенъ въ санъ митрополита.

На мѣсто Никанора назначенъ былъ высокопреосвященный Арсеній, бывшій митрополитъ кievскій и галицкій именовавшійся здѣсь и архимандритомъ Почаевской лавры. Высокопреосвященный Арсеній былъ ревностнымъ ходатаемъ за униатовъ, желавшихъ возвратиться на лоно православной церкви.

Бывшій высокопреосвященный архіепископъ варшавскій и новогоріевскій Иоанникій—четвертый послѣ основанія варшавской епархіи.

Въ настоящее время, кромѣ варшавскихъ, уже поименованныхъ, находятся слѣдующія церкви въ Варшавской губерніи: въ Калишѣ, Пиотковѣ, м. Прашкѣ, м. Слупцѣ; въ Радомской губерніи: въ Радомѣ, Олькушѣ, Завихостѣ; въ Люблинской губерніи: въ Люблинѣ, Ивангородѣ, Замосцѣ, Сѣдльцахъ, въ селахъ Бабицахъ, Люховѣ, Горнемъ-Потоцкѣ, въ посадѣ Дрогичинѣ; въ Плоцкой губерніи: въ г. Плоцкѣ, Млавѣ, Новогоріевскѣ, русскихъ колоніяхъ близъ этой крѣпости; въ Августовской: въ Сувалкахъ, двѣ въ Ломжѣ и единовѣрческая въ селѣ Покровскомѣ, Сейненскаго уѣзда.

Крѣпостныя церкви содержатся на счетъ суммъ комиссаріатскаго вѣдомства, таможенныя — департаментомъ вышней торговли*, а прочія на счетъ казны царства Польскаго.

* Таможенныя церкви: ломжинская, млавская, прашская, слупцкая, олькушская и завихостская.

На содержаніе духовенства, по бюджету 1862 года, отпущено изъ казны Царства польскаго 60.505 р. 24 к. сер. Сумма эта распределяется такъ: на содержаніе архіепископа 10.078 р., изъ коихъ жалованья 7.000 р., столовыхъ 825 р., а прочіе 2.250 р. на освѣщеніе, содержаніе зданія, ремонтъ и пр., на содержаніе пѣвчихъ и регента 3.765 р., на трапезу для братій 1.500 р., служителямъ жалованья 1.500 р., на больницу 400 р. Членамъ собора: кафедральному протоіерею 1.500 р., ключарю 960 р., священнику 675 р., протоіакону 675, іакону 500 кромѣ квартиръ; двумъ ипподіаконамъ 900, причетникамъ отъ 100 до 150. На духовное училище 5.225; остальная сумма на прочія церкви и приходы въ Царствѣ польскомъ *.

— Мы какъ-то сообщали нашимъ читателямъ свѣдѣнія о школахъ въ западныхъ губерніяхъ. Вотъ любопытныя извѣстія о русскихъ школахъ въ царствѣ польскомъ, расположенныя въ хронологическомъ порядкѣ.

Первое русское училище въ Польшѣ основано при яблочинскомъ Свято Онуфріевскомъ монастырѣ * въ 1838 году. Число учениковъ въ немъ отъ времени до времени увеличивается и нѣтъ сомнѣнія, что оно можетъ сдѣлаться распространителемъ русской грамотности между *уніатами*, если оно только будетъ поддержано всѣми, кому дорога убитая шляхетствомъ и католицизмомъ народность русская. Въ училище принимаются дѣти безъ различія вѣроисповѣданій; бѣднѣйшіе воспитываются на счетъ монастырскій, они получаютъ не только бесплатное въ монастырѣ помѣщеніе: но и пищу,

---

* Эти извѣстія о состояніи православныхъ церквей въ Польшѣ заимствованы нами изъ Свѣд. Почты. 861г. № 86.

* Объ этомъ монастырѣ были помѣщены 2 извѣстія въ Полт. Епарх. Вѣдомостяхъ 1863 г. въ №№ 17 и 18.

одежду и книги. Въ 1857 году считалось въ училищѣ 29 учениковъ, изъ которыхъ 8 было на полномъ монастырскомъ содержаніи, 8 пользовалось пищею и помѣщеніемъ. Училище состоитъ изъ двухъ классовъ; въ низшемъ мальчики учатся молитвамъ и чтенію по славянски, по русски и по польски, а въ высшемъ преподаются: сокращенный катихизисъ, краткая священная исторія и четыре правила ариметики. Въ 1862 году учрежденъ еще классъ свѣдущимъ живописцемъ, іеромонахомъ. Въ 1863 году въ училищѣ обучалось 43 мальчика; изъ нихъ православныхъ 20, униатовъ 13 и католиковъ 9. При училищѣ есть библіотека, которая въ жалкомъ положеніи и существуетъ только по названію. Кромѣ старыхъ церковно-славянскихъ книгъ, въ ней нѣтъ ни одной русской книги. Я полагаю, что присылка изъ Россіи книгъ какъ элементарныхъ, такъ и всякихъ другихъ для яблочинской школы и школьной библіотеки, принесетъ громадную пользу униатамъ и доставитъ яблочинскому монастырю средства къ быстрому распространенію между ними русской грамоты; а униаты, какъ слышно, имѣютъ большую охоту учиться по русски.

Книги могутъ быть адресованы въ *Варшавскую Духовную Консисторію*, которая, вѣроятно, не откажется доставлять ихъ по назначенію.

Второе послѣ яблочинскаго, по времени открытія, есть *Варшавское духовное уѣздное училище*. Оно учреждено съ разрѣшенія Святѣйшаго Синода, въ 1840 году, по старанію архіепископа Антонія, оставившаго по себѣ въ Варшавѣ глубокое уваженіе жителей всѣхъ вѣроисповѣданій. Правительство имѣло въ виду благую цѣль при мысли объ основаніи въ Варшавѣ училища. Учрежденіе въ Варшавѣ предполагаемаго духовнаго училища весьма нужно,

какъ по видамъ ближайшей пользы для православнаго духовенства, находящагося при тамошнихъ церквахъ и въ войскахъ а ровно для *чиновниковъ и жителей православнаго въ-роисповѣданія*, такъ и по другимъ обстоятельствамъ; ибо во первыхъ, оградило бы православныхъ духовныхъ, чиновниковъ жителей отъ необходимости давать первоначальное воспитаніе дѣтямъ ихъ въ тамошнихъ училищахъ, а во вторыхъ оно было-бы тамъ разсадникомъ воспитанія *собственно русскаго*, основаннаго на началахъ *православной вѣры и преданности Государю Россіи и въ дальнѣйшемъ развитіи своемъ*, при благословеніи Божиемъ, принеслобы великую пользу.» Ясно, что правительство имѣло въ виду охраненіе дѣтей русскихъ отъ полонизма и предполагало дальнѣйшее развитіе училища. Къ сожаленію цѣль не достигнута уже по причинамъ, не зависящимъ отъ правительства. На содержаніе варшавскаго духовнаго училища отпускается изъ казны царства польскаго 5,225 руб., изъ коихъ на жалованье учителямъ и смотрителю 2,700, на содержаніе 10-ти казенно-коштныхъ 1,250 руб., остальные на прочія надобности. Училище находится теперь въ печальномъ положеніи, число учениковъ въ немъ около 20, и нѣтъ надежды на увеличеніе, при быстромъ развитіи вновь учрежденной варшавской школы.

Третье училище, *при церкви въ русскихъ колоніяхъ*, открыто въ 1847 году, по распоряженію здѣшней комисіи финансовъ, для дѣтей колонистовъ. Мѣстный священникъ есть вмѣстѣ и наставникъ въ училищѣ. На содержаніе училища отпускается 120 р. с., изъ которыхъ 60 р. полагается жалованье учителю. Училище подчинено вѣдомству комисіи просвѣщенія. Теперь въ немъ 15 мальчиковъ и 17 дѣвочекъ.

За этимъ слѣдуетъ дрогичинская школа, построенная священникомъ Гиптовтомъ, на его собственный счетъ; въ ней 11 мальчиковъ.

Ивангородское крѣпостное училище содержится на счетъ добровольныхъ приношеній жителей крѣпости. Генералъ Буймейстеръ, комендантъ крѣпости-попечитель училища, которое онъ своею заботливостію и поддерживаетъ. Преподаватели: протоіерей Антоновичъ, діаконъ Павскій и офицеры по собственной охотѣ. Имъ помогаютъ причетники и унтеръ-офицеры. Школа помѣщается въ особенной комнатѣ казарменнаго зданія, въ ней мальчиковъ 14, дѣвочекъ 4.

Домжинское училище, при вержболовскомъ округѣ. Въ немъ теперь число учениковъ увеличилось отъ 10 до 16; мальчики, кромѣ учебныхъ предметовъ и ремеслъ, учатся музыкѣ и образовали уже небольшой оркестръ. Всѣмъ этимъ училище обязано неусыпной дѣятельности священника Страшковича.

Млавское училище вержболовскаго тамеженнаго округа содержится изъ добровольныхъ приношеній нижнихъ чиновъ и офицеровъ пограничной стражи и находится въ полномъ вѣдѣніи начальника округа. Священникъ Столбниковъ завѣдуетъ и распоряжается экономическою частію училища. Мальчики одѣты и обуты отлично и учатся съ большимъ успѣхомъ, какъ и въ Домжѣ число учениковъ 16.

Зовихостское таможенное училище, въ которомъ 8 мальчиковъ. *Замосцьское* крѣпостное училище; въ немъ 5 мальчиковъ и 1 дѣвочка.

Кромѣ исчисленныхъ есть еще сельскія школы: бабицкая съ 8-ю мальчиками, моховская съ 4 мальчиками и 2 дѣвочками, и горнепотокская школа съ 4 мальчиками. Последнія 5 училищъ открыты въ теченіи 1861, 62 и 63 годовъ,

вслѣдствіе распоряженія епархіальнаго начальства, которое предположило привести въ исполненіе въ варшавской епархіи распоряженія, сдѣланныя въ имперіи о народномъ образованіи.

Всѣхъ училищъ въ царствѣ польскомъ, кромѣ новой варшавской школы, 10; въ нихъ обучается 153 мальчика и 24 дѣвочки. Нѣкоторыя изъ нихъ требуютъ поддержки особенно послѣднія*).

Варшавская школа явилась только въ прошломъ году. Открытіе ея произошло вслѣдствіе всѣми живо сознанной необходимости доставить дѣтямъ русскихъ людей, живущихъ въ Варшавѣ возможность сохранить свою національность и не ополчиться среди огромной массы людей, специально занимающихся колонизаціей всѣхъ попадающихъ въ ихъ среду. Но честь начинанія этого дѣла безспорно принадлежитъ русскому военному доктору г. Орлову. Къ едва зараждающейся русской школѣ выказалъ самое искреннее, истинно пастырское участіе Высокопреосвященный Архіепископъ Варшавскій Іоаннскій. Онъ самъ открывалъ ее и теперь поддерживаетъ трудящихся словомъ поощренія, добрыми совѣтами, указаніями и матеріальною помощью. Школѣ еще нѣтъ и года жизни, а въ ней считается чуть ли не больше учащихся чѣмъ во всѣхъ остальныхъ 10-ти училищахъ царства вмѣстѣ взятыхъ. Она привлекла сочувствіе и вниманіе многихъ усердныхъ патріотовъ внутри Россіи, которые не замедлили оказать ей дѣятельную помощь, такъ что въ настоящее время она уже обезпечена въ своемъ содержаніи на нѣсколько лѣтъ**).

*) Сѣверная почта № 52.

***) По послѣднему отчету этой школы въ мартѣ сего года въ ней состояло учащихся 197 человекъ а денежной суммы 13,769 р. 40 к. Кромѣ этого запаснаго капитала Варшавская школа имѣетъ постояннаго благотворителя въ лицѣ Тайнаго совѣтника И. Фундуклея, который содержитъ теперь ее на свои собственные средства.

Редакторъ, Прот. Н. Дулитрашко.

Печатать дозволяется. 1864 г. Юня 13-го дня. Цензоръ, Прот. Катрашовъ.

ПОЛТАВА. Въ типографіи Н. Пигуренко.

СОДЕРЖАНІЕ

ПЕРВАГО ТОМА НЕОФИЦИАЛЬНОЙ ЧАСТИ

ПОЛТАВСКИХЪ ЕПАРХІАЛЬНЫХЪ ВЪДОМОСТЕЙ

1864 года.

	Стран.
№ 1. Новый годъ у разныхъ народовъ. <i>Д. О.</i>	3.
Святочныя колядки и вирши. <i>К. Думитрашкова.</i>	13.
Русскіе народныя журналы въ 1863 году. <i>Хар. Ор.</i>	22.
Разныя извѣстія и замѣтки. <i>Н. Даниленка.</i>	36.
№ 2. Слово на рождество Христово. <i>Архимандрита Се- рафима.</i>	49.
Кое-что о воспитаніи дѣтей. <i>А. Г.</i>	59.
Странное посѣщеніе сельскаго приходскаго учили- ща. <i>С. Т.</i>	69.
Журнальныя замѣтки. (Духъ Христіанина). <i>Д. О.</i>	79.
Разныя извѣстія и замѣтки. <i>Н. Даниленка.</i>	89.
Объявленіе о журналѣ «Народная Бесѣда».	96.
№ 3. Бесѣда на евангеліе въ недѣлю 32-ю <i>Иеромона- ха Иннокентія.</i>	97.
Описаніе Монастырей Полтавской Епархіи. О Густынскомъ Прилудскомъ Святотроицкомъ мо- настырѣ.	101.
Жизнь духовенства въ одномъ уѣздномъ городѣ Полтавской епархіи. Священ. <i>Николая Кудриц- каго.</i>	109.
Разныя извѣстія и замѣтки. <i>Н. Даниленка.</i>	123.
Объявленіе о продолженіи Духовнаго Вѣстника	135.

II.

- № 4.** Бесѣда на евангеліе въ недѣлю мясопустную.
Иером. Иннокентія. . . . . . 137.
 О Густынскомъ Прилуцкомъ Святотроицкомъ мо-
 настырѣ (*Продолженіе*). . . . . 142.
 Открытіе въ городѣ Архангельскѣ училища для
 дѣвицъ духовнаго званія и другихъ сословій.
Протоіеремъ Николаемъ Жданова. . . . . 150.
 Журнальныя замѣтки (Христіанское чтеніе). *Д. О.* 157.
 Объявленіе объ изданіи «Творенія святыхъ от-
 цевъ». . . . . 175.
- № 5.** Слово по случаю неблаговременнаго выхода нѣ-
 которыхъ изъ храма. *Преосвященнѣйшаго Іоанна.* 177.
 Бесѣда на евангеліе въ недѣлю сыропустную.
Иером. Иннокентія. . . . . . 183.
 Слово въ день восшествія на престолъ Благоче-
 стивѣйшаго Государя Императора Александра
 Николаевича. *Прот. Н. Думитрашко.* . . . . 187.
 О Густынскомъ Прилуцкомъ Святотроицкомъ Мо-
 настырѣ. (*Продолженіе*). . . . . 193.
 Журнальныя Замѣтки (Труды Кіевской Духовной
 Академіи). *Федора Лебединскаго.* . . . . 199.
 Рѣдкій случай во время предсмертнаго напут-
 ствія прихожанина. *Свящ. Іоанна Бороскаго.* . 213.
 Объявленіе журнала «Странникъ». . . . . 215.
- № 6.** Слово въ недѣлю мытаря и фарисея. *Преосвящен-
 нѣйшаго Іоанна.* . . . . . 217.
 Бесѣда сельскаго священника съ прихожанами на
 дому *Иером. Иннокентія.* . . . . . 224.
 О Густынскомъ Прилуцкомъ Святотроицкомъ мо-
 настырѣ (*Окончаніе*). . . . . 229.
 Разныя извѣстія и замѣтки. *Н. Даниленка.* . . . 241.
 Библиографическое извѣстіе. . . . . 256.
- № 7.** Слово въ праздникъ Введенія во храмъ Пресвятыя
 Богородицы. *Преосвященнѣйшаго Іоанна.* . . . . 257.

III.

Сказаніе о чудотворной иконѣ села Ржавца, Прилуцкаго уѣзда. <i>Константина Радзѣвскаго.</i>	270.
Журнальныя замѣтки (Душеполезное чтеніе). <i>Д. О.</i>	284.
Разныя извѣстія и замѣтки. <i>Н. Даниленка.</i>	297.
Извѣщеніе о пожертвованіи.	304.

№ 8. Догматическія Бесѣды сельскаго священника съ прихожанами на дому. (Бесѣда о божественномъ откровеніи.) <i>Иер. Иннокентія.</i>	305.
О подвигѣ святаго юродства въ церкви русской. <i>Ии. Зинченко.</i>	312.
Два-три слова по поводу учрежденія въ Одессѣ общества состраданія къ животнымъ. <i>Хар. Ор.</i>	392.
Письма въ редакцію Полтавскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей (Письмо 1). <i>Хар. Ор.</i>	332.
Объявленіе отъ редакціи Духовной Бесѣды.	352.

№ 9. Молитва Святителю Христову Аѳанасію, Лубенскому Чудотворцу.	353.
Слово въ великій пятокъ. <i>Пресвященнѣйшаго Іоанна.</i>	355.
Слово въ пятую недѣлю святой четьредесятницы. <i>Пресвященнѣйшаго Іоанна.</i>	359.
О подвигѣ святаго юродства въ церкви русской. (Продолженіе). <i>Ии. Зинченка.</i>	367.
Мнѣніе о добровольномъ оставленіи священнослужителями ихъ сана и опроверженіе этого мнѣнія. <i>Прот. Сергія Терновскаго.</i>	376.
Проклятiе матери <i>Пр. Н. Д.—ко.</i>	394.
Некрологъ (Діаконъ Гавріилъ Максимовичъ). <i>Пр. Д. Юзефовича.</i>	397.
Особенный предметъ для поученій. <i>Свѣц. Петра Мазанова.</i>	400.

№ 10. Догматическія бесѣды сельскаго священника съ прихожапами на дому. (Бесѣда 2. о Богѣ). <i>Иер. Иннокентія.</i>	401.
--	------

- О подвигъ свягата юродства въ церкви русской.
(Продолженіе). *Ии Зинченка*. . . . . 407.
- Алтайская духовная миссія. *Прот. С. Ландышева* . 425.
- Письма въ редакцію Полтавскихъ Епархіальныхъ
Вѣдомостей. (Письмо 2). *Хар. Ор.* . . . . 434.
- Смѣта доходовъ и расходовъ по духовно-учебно
му управленію на 1864 годъ. . . . . 453.
- № 11.** Слово о воскресеніи мертвыхъ. *Прот. Д. Юзефовича*. . . . . 457.
- О подвигъ свягата юродства въ церкви русской.
(Окончаніе). *Ии Зинченка*. . . . . 463.
- О предполагаемомъ училищѣ для духовныхъ дѣвицъ
въ Полтавѣ *Святу. Василія Трипольскаго*. . . . 480.
- Разныя извѣстія и замѣтки. *Н. Даниленка*. . . 488.
- Объявленіе. . . . . 504.
- № 12.** Догматическія бесѣды сельскаго священника съ
прихожанами на дому. (Бесѣда 3-я, о Пресвятой
Троицѣ). *Иером. Иннокентія*. . . . . 505.
- Иванъ Купало. *Д. О.* . . . . 512.
- Двадцать четыре часа въ плѣну у повстанцевъ
Прот. Краиановскаго. . . . . 529.
- Разныя извѣстія и замѣтки. . . . . 540.

✓

